

ЛАРИСА
ПЕТРОВИЧЕВА

ДЕВУШКА БЕЗ ИМЕНИ

Лариса Петровичева

Девушка без имени

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Соня Тимофеева в один миг лишилась всего: собственного имени, друзей, родины. Теперь она попаданка, заброшенная мужем-психопатом в другой мир и ставшая там злонамеренной ведьмой. Что выбрать: вернуться домой или попробовать выжить там, где на тебя ведется охота, преодолев путь к трону через клетки человеческого зоопарка и застенки инквизиции? И сможет ли новая любовь спасти там, где не осталось места для надежды?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Лариса Петровичева

Девушка без имени

Глава 1

Алита

Огюст-Эжен Лефевр, инквизитор первого ранга, терпеть не мог дождя. Осень с ее бесконечными ливнями и сыростью всегда нагоняла на него меланхолию. Вот и теперь, стоя на ступенях Дворца правосудия и дожидаясь, когда кучер выведет-таки его экипаж из-под навеса, Лефевр закрывал голову от потоков воды толстой папкой с документами по делу убийцы, прозванного Мороженщиком, ругал себя за то, что не взял утром шляпу, и чувствовал, что в общем и целом жизнь снова повернулась к нему спиной.

Наконец экипаж остановился возле ступеней, и Лефевр, забравшись внутрь, бросил мокрую папку на скамью и сердито стукнул тростью в стенку: давай двигайся, лентяй ты этакий! Впереди было целых три праздничных дня во славу Рождества святой Агнес, и Лефевр собирался поехать за город – отдохнуть в своем деревенском доме, посидеть у камина с бокалом хорошего вина и умной книгой, прогуляться возле озера. Теперь на этих прекрасных планах можно было

ставить крест: в такую погоду лучше оставаться дома, сидеть, как сыч, в своем кабинете...

Экипаж подпрыгнул на какой-то колдобине, Лефевр прикусил язык и выругался. Столичные дорожники, сто бесов им в печень, снова начали ремонт мостовых – конечно, когда ж еще этим заниматься, как не осенью! Вот кого бы притянуть к суду инквизиции: их деятельность ничем не лучше злонамеренного колдовства. Некоторое время Лефевр думал о сегодняшнем процессе, своем выступлении и оправдательном приговоре – должно быть, именно поэтому судья и передал ему дело Мороженщика: наказывал за беспристрастность и четкую оценку событий. Во Дворце правосудия Лефевра не любили: дела о колдовстве он рассматривал чрезвычайно скрупулезно, пытаясь найти истину, а не просто отправляя подсудимых в тюрьму, как его коллеги. Подозреваясь в колдовстве – значит, виновен, и нечего тратить время на разбирательства: так считали почти все господа инквизиторы. Лефевр придерживался иной точки зрения: еще одна причина, по которой Страховид – так его называли коллеги, разумеется за спиной и с оглядкой, – не пользовался их любовью. Первой причиной, конечно, была внешность: грубое скуластое лицо с чересчур крупными, тяжелыми чертами, высокий рост и некрасивые руки с длинными пальцами. На фоне прочих жителей столицы, изящных, тонкокостных, почти эльфообразных, Лефевр выделялся далеко не в лучшую сторону.

Он давно привык к своему уродству, перестал его стесняться и не вздрагивал, глядя в зеркало. Зачем стыдиться того, что ты не можешь исправить? Покойная Бригитта, его сестра, так и не смогла смириться с тем, что родилась некрасивой — даже деньги его родителей не сумели превратить дурнушку в завидную невесту. Иногда Лефевр думал, что именно тоска и свела сестру в могилу. Когда всем сердцем желаешь давать и получать тепло и любовь, а в ответ летят злые насмешки, остается только тосковать... Лефевр не любил осень еще и потому, что Бригитта умерла от пневмонии в сезон дождей, а он не смог ее спасти. Как сказал врач, девушка просто не хотела жить, а медицина в таких случаях бессильна.

Экипаж сбавил скорость: выглянув в окно, Лефевр увидел, что они проезжают мимо человеческого зоопарка — его кучер, как и все остальные жители столицы, любил поглазеть на людей в клетках. Вот и сейчас, несмотря на проливной дождь, возле зоопарка толпился народ, таращился на уродов и уродок, тыкал пальцами, чавкал, пожирая сладкую вату. Лефевр ненавидел человеческие зоопарки, считая их варварским пережитком прошлого, и хотел было крикнуть кучеру, чтоб тот прибавил скорость, но внезапно замер, словно от пощечины.

— Стой! — крикнул Лефевр, и кучер послушно остановил экипаж. Лефевр смотрел на одну из клеток и чувствовал, как кровь прилила к голове, отхлынула и прилила снова. В клет-

ке сидела молодая рыжеволосая женщина в грязных лохмотьях, ее бледное чумазое лицо было искажено застарелым страданием и болью, а глаза...

Глаза были карими. Как у Бригитты. Как у мамы. Ни у кого в Сузе больше не было таких глаз.

Открыв дверцу, Лефевр прыгнул на мостовую и, не обращая внимания на дождь, пробился сквозь толпу и крепко взял за рукав человека в красном сюртучке администратора. Человек в сюртучке хотел было выругаться, но обернулся, увидел Лефевра, и злоба на его изъеденной оспой физиономии мигом сменилась раболепным подобострастием.

– Я забираю эту женщину, – сухо сказал Лефевр и указал на клетку с рыжей.

Человек в сюртучке даже закашлялся от неожиданности.

– Но милорд... – промолвил он, буравя Лефевра колючим взглядом. – Это невозможно. Правила зоопарка.

Лефевр вынул из кармана пальто серебряный инквизиторский жетон и продемонстрировал человеку со словами:

– Ты знаешь, кто я?

– Разумеется, милорд, – по выражению лица администратора было ясно, что он с удовольствием засадил бы в клетку самого Лефевра: это во много раз увеличило бы выручку. – Но вы понимаете, наш хозяин...

– И ты, и твой хозяин окажетесь в тюрьме через полчаса, – с ленивой угрозой промолвил Лефевр и, прищурившись, добавил: – Скажем, за укрывательство злонамеренных колду-

НОВ.

Администратор вскинул руки в жесте примирения и согласия и затараторил:

– Милорд, клянусь святой Агнес, я не знал, что она колдунья. Сейчас, сию секунду... Это ваш экипаж, да? Сейчас доставим.

Лефевр кивнул и двинулся к экипажу. Конечно, пришлось подождать: девушку доставили через четверть часа, когда инквизитор начал терять терпение – должно быть, администратор ругался с директором. Но в конце концов рыжую приволокли и засунули в экипаж. Администратор выглядел угрюмым и еще более озлобленным, чем раньше. На его физиономии наливался свежий синяк. Девушка забилась в самый темный угол, и Лефевр, смерив администратора презрительным взглядом, произнес:

– Благодарю за сотрудничество. Всех благ.

Когда экипаж снова покатил по улице, Лефевр всмотрелся в бледное девичье лицо с разводами грязи и следами давнишних побоев и спросил, вложив в голос всю возможную мягкость и доброжелательность:

– Как тебя зовут?

Девушка отшатнулась от него и вжалась в угол так, словно Лефевр ее ударил. Похоже, он и представить не мог, сколько ей довелось пережить. Побои, наверняка изнасилования, пытки... Лефевр почувствовал, как сердце болезненно сжимается от сочувствия.

— Ну я же не бью тебя, не ругаю, — с прежним теплом проговорил он. — Как тебя зовут, милая?

Рыжая закрыла лицо ладонями и заплакала.

— Ведьма нет имени, — проговорила она с ужасным каркающим акцентом. Впрочем, если смягчить этот акцент, получше приспособить к валеатскому языку, то получится тот самый выговор, который Лефевр с детства слышал в речи матери.

На мгновение он закрыл глаза, вспоминая те слова, которым его обучила мать, и сражаясь с острым страхом, что он мог забыть чужую речь или же незнакомка вообще не говорит на этом языке. Наконец Лефевр собрался с духом и произнес по-русски:

— Как тебя зовут?

Девушка медленно отвела ладони от лица, и теперь в ее взгляде был чистый, ни с чем не сравнимый ужас, словно Лефевр выбрался из самых глубоких пещер Пекла. Ее губы задрожали.

— Вы тоже с Земли? — хрипло прошептала она по-русски и схватила Лефевра за руку. — Вы русский? Господи...

Лефевр притянул ее к себе и крепко обнял. Девушка уткнулась влажным лицом в его плечо и расплакалась — но теперь это были слезы счастья.

Когда они вошли в дом, дворецкий смерил лохмотья девушки настолько брезгливым и полным презрения взглядом, что Лефевр поежился. Должно быть, добрый Бланк терялся в догадках, по какой такой прихоти его господин полез в помойку – потому что такие мерзопакостные бабы могут водиться лишь в самых грязных выгребных ямах на окраинах самых отвратительных трущоб. Помогая Лефевру снять пальто, дворецкий негромко и подчеркнуто вежливо осведомился:

– Прошу прощения, милорд, но кто это?

– Наш агент в Веренталии, – сухо ответил Лефевр. – Схизматики приговорили ее к смерти, ей с трудом удалось сбежать, – когда недоумение на лице дворецкого сменилось глубоким уважением, Лефевр продолжил: – Приготовьте для нее горячую ванну. И бывшую комнату Бригитты. Одежду сестры тоже можно взять. Ужин на двоих – в мой кабинет.

– Разумеется, милорд. Сию секунду, – с достоинством кивнул дворецкий, обернулся к девушке, поклонился и произнес: – Миледи, позвольте проводить вас.

Девушка неохотно отпустила руку Лефевра и пошла за дворецким к лестнице на второй этаж. Проводив их взглядом – Бланк осмелел настолько, что даже пытался о чем-то спрашивать гостью, – Лефевр отправился в свой кабинет.

Закрыв дверь, он прошел к столу и, открыв нижнюю дверцу, вынул большую темную коробку, надежно запертую на замок. Лефевр провел ладонью по крышке, смахивая пылинки, и вспомнил, как незадолго до смерти мать, уже не встававшая с постели, позвала его и сказала:

– Огюст-Эжен, пообещай мне одну вещь. Возможно, однажды ты встретишь человека, который, как и я, будет чужестранцем, скитальцем среди миров. Дай мне слово, что ты обязательно поможешь ему или ей, как помог мне твой отец.

Ключ, который Лефевр постоянно носил с собой, повернулся в замочной скважине, и коробка открылась. Некоторое время Лефевр рассматривал ее содержимое, а затем вынул лист, лежащий сверху, – на нем была изображена башня, белая с золотым, увенчанная тонким шпилем со сверкающим корабликом на верхушке. Перевернув лист, Лефевр прочел стихи, написанные беглым, легким почерком матери:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады*

*Пустынных улиц, и света
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменит другую
Спешит, дав ночи полчаса.*

Он выучил эти стихи еще в детстве, когда мать рассказывала ему и Бригитте об удивительном городе Ленинграде, в котором родилась и выросла. Мать хорошо рисовала, и ее рисунки, изображавшие чудесную северную столицу другого мира, занимали почти половину коробки. На обратной стороне рисунков она писала стихи: Лефевр, влюбившийся по ее рассказам в далекий город, выучил их наизусть. Ему казалось, что так он будет ближе к матери, несчастной чужестранке, по воле случая попавшей в Сузу.

Выложив рисунки, Лефевр достал из коробки тетради: в них были записаны слова на русском языке с транскрипцией и переводом на валеатский. Раскрывая их наугад и перелистывая пожелтевшие страницы, он жадно впивался взглядом то в одну, то в другую строчку, убеждаясь, что до сих пор прекрасно помнит родной язык своей матери. Отец в свое время ругал ее, говоря, что за речи на русском их всех заберет инквизиция: ведьма из иного мира в доме дворянина, слова, которые напоминают заклинания, дети, распевające непонятные песни – этого более чем достаточно для обвинения в злонамеренном колдовстве. Лефевр всегда поражался

тому, почему отец, всегда производивший впечатление холодного и бездушного человека с каменным сердцем, привел в свой дом жалкую оборванку, встреченную возле кладбища, и не просто привел, а сделал законной женой, которой не изменял даже в мыслях.

В дверь постучали, и Луиз, одна из служанок, внесла в кабинет поднос с ужином. Лефевр кивнул ей и принялся убирать тетради обратно в заветную коробку.

– Миледи скоро спустится, – сообщила Луиз, накрывая на стол. Телятина в винном соусе с овощами издавала прямо-таки невероятный аромат. – Амина помогает ей одеться.

Лефевр снова кивнул. Будь воля Луиз, она болтала бы днем и ночью и уж точно выпросила бы у хозяина дома все подробности о неожиданной гостье – вот и сейчас едва сдерживается, чтобы не задавать вопросов. В дверь снова постучали, и дворецкий, открыв ее, пропустил в кабинет рыжую чужестранку и сделал служанке знак уходить. Луиз выскользнула из кабинета, закрыла дверь, и девушка посмотрела Лефевру в глаза и еле слышно прошептала:

– Спасибо вам. Спасибо вам огромное. Вы даже не представляете...

– Представляю, – Лефевр вышел из-за стола и приблизился к своей гостье. Сейчас, после горячей ванны, одетая в старое платье не по размеру, она казалась удивительно красивой. Влажные рыжие волосы были наскоро подхвачены умелыми руками служанки в высокую прическу, карие с прозе-

ленью глаза смотрели на Лефевра с благодарностью и надеждой, даже уродливые пятна старых синяков на светлой коже не портили впечатления. Лефевр смущенно отвел взгляд – в конце концов, неприлично так таращиться на девушку – и произнес: – Все позади, теперь вы в гостях у друга. Прошу к столу, полагаю, вы голодны.

Судя по всему, девушке действительно пришлось голодать: она опустошила свою тарелку в считанные минуты и робко попросила добавку. Лефевр с удовольствием положил ей еще телятины и сказал:

– Вам сейчас нужно отъедаться. Давно вы в Сузе?

Девушка неопределенно пожала плечами. В глазах снова заблестели слезы.

– Я не знаю точно. Пять-шесть недель... Простите меня, в голове все путается...

Она шмыгнула носом и бессильно уронила руки на колени. Лефевр налил вина в высокий хрустальный бокал и протянул ей.

– Вот, выпейте. Вы ведь не помните вашего имени, так?

Девушка сделала глоток вина, поморщилась и кивнула. Лефевр придвинул свое кресло поближе и взял ее за руку. Девушка содрогнулась, словно прикосновение испугало ее, но руки не отняла.

– Мне как-то надо вас называть, – мягко произнес Лефевр. – Сегодня день поминовения святой Алиты, провозвестницы рождения Богоматери. Как вам имя Алита?

Девушка глубоко и прерывисто вздохнула и утвердительно качнула головой. Лефевр довольно улыбнулся.

– Хорошо, Алита. Меня зовут Огюст-Эжен Лефевр. Добро пожаловать в Сузу.

– Моя мать родилась в Советском Союзе. Вы ведь тоже оттуда?

Телятина давно была съедена, вино выпито, и дворецкий, разведя огонь в камине, отправился отдыхать, а Лефевр и Алита сидели в креслах, смотрели на языки пламени, лижущие дрова, и негромко разговаривали.

– Советского Союза больше нет, – сказала Алита, глядя на огонь. Страдание, которое, казалось, намертво застыло на ее лице, медленно утекало прочь, и Лефевр был этому искренне рад. – Теперь есть Россия.

– А Ленинград? – с надеждой спросил Лефевр. – Ленинград есть?

Девушка кивнула.

– Есть. Я там была пару раз.

Заветная коробочка разинула пасть на полу возле кресла. Протянув руку, Лефевр вытащил рисунок со всадником на вздыбленном коне и передал Алите. Та несколько минут рассматривала рисунок, а потом сказала:

– Это ваша мама нарисовала?

– Да, она, – Лефевр вспомнил, как мать сидела у окна с листком бумаги и ящиком акварели, а на белой глади возникали дома, дворцы, удивительные животные. – Она была очень талантливой художницей. Вот, посмотрите. Это мой отец. А это Бригитта, моя сестра.

Алита с уважительной осторожностью приняла листки с портретами и несколько минут пристально рассматривала отца и сестру Лефевра. Мать сумела изобразить их с невероятной точностью, и отец получился не вечно угрюмым сухарем, а искренним и любящим человеком, а Бригитта на рисунке была почти красивой. Должно быть, кистью матери двигала любовь к мужу и дочери, и она нарисовала их настоящими, такими, какими их видела любящая душа...

– Очень красиво, – сказала Алита, возвращая листки. – А где они сейчас?

Лефевр вздохнул.

– Бригитта умерла шесть лет назад, – сказал он. Алита смотрела на него с неприкрытым сочувствием, а Лефевр продолжал: – Отец обожал ее, и смерть Бригитты его подкосила. В общем, я уже довольно давно живу один.

– Простите меня, Огюст-Эжен, – промолвила Алита. – Я не знала. Простите.

Весь ее облик сейчас выражал искреннее сострадание. Лефевр вдруг подумал, что на него никто и никогда не смотрел так, как эта девушка. Должно быть, все дело было в том, что они оба утратили все, что любили и чем дорожили.

– Ничего, – сказал Лефевр, отводя взгляд. Он снова поймал себя на том, что слишком пристально рассматривал свою гостью: такой пронизывающий интерес был абсолютно недопустим в благородном обществе. – Знаете, моя мать тоже не помнила своего настоящего имени. Всю жизнь до Сузы помнила, а имя нет. Должно быть, в этом ключ к вашему возвращению домой.

Алита вдруг поежилась и отодвинулась в дальний угол кресла, словно Лефевр умудрился сказать ей какую-то гадость. «Неужели она не хочет вернуться?» – с изумлением подумал он, и тут Алита тихо, но очень отчетливо промолвила:

– Видите ли, Огюст-Эжен, я не могу вернуться. Меня там убьют.

На протяжении всей своей семейной жизни Соня совершала главную ошибку всех женщин, которые живут с психопатами: она искренне верила, что если Никитос поймет, как сильно ее задевает его поведение, то он опомнится и станет тем хорошим парнем, которого Соня безоглядно полюбила еще в институте. Она считала, что если сумеет лучше объяснить, что именно не так, то Никитос больше не будет гневаться и злиться на пустом месте, все осознает и их семейная жизнь снова будет тихой, мирной и спокойной. Но чем боль-

ше Соня делилась с мужем своими мыслями и планами, тем сильнее Никитос принимался критиковать и осуждать. Чем больше Соня говорила о своих надеждах и страхах, рассчитывая на понимание и близость, тем холоднее и отстраненнее становился муж. Их жизнь была настолько закрученным парадоксом, что Соня иногда начинала сомневаться в своей нормальности.

Но в один прекрасный день все вроде бы наладилось. Никитос перестал цепляться к Соне по мелочам, прекратил язвительно подмечать ее недостатки и больше не играл в молчанку, заставляя супругу мучительно перебирать реальные и выдуманные беды, чтобы она догадалась, в чем провинилась на этот раз. Соня ликовала. Она порхала по дому, готовила любимые блюда Никитоса, а он ел без всякой критики и заявлений, что мама готовит лучше, и даже секс, который давным-давно превратился из науки страсти нежной в супружеский долг, стал приносить ей удовольствие. Это были какие-то очень светлые и очень легкие дни; потом, сидя в клетке человеческого зоопарка, Соня вспоминала их и думала, что Никитос все прекрасно продумал, распланировал и реализовал.

Они пошли в книжный магазин на встречу с Винокуровым, знаменитым писателем-фантастом. Его цикл «Хроники Сааты» недавно был экранизирован, и фанаты просто бились в истерику в ожидании очередной серии обожаемого сериала. Никитос был в восторге от «Хроник Сааты», про-

читал все книги и фанфики, не пропустил ни одной серии и подписался на добрую сотню групп в соцсетях, так или иначе касавшихся любимого шоу. Лучшим персонажем он считал Аврелия, боевого мага, – суровый, жесткий и непреклонный убийца с уродливым лицом пугал Соню до дрожи, и она, вынужденная смотреть сериал в компании с Никитосом, невольно сжимала кулаки. Никитос смеялся над ней и говорил:

– Ты ничего не понимаешь, обезьяна. Вот настоящий мужчина.

Соня терпеть не могла, когда муж называл ее обезьяной, но никакие просьбы не в силах были заставить Никитоса прекратить насмешки. Обычно он притихал на пару дней, а потом «обезьяна» снова всплывала в речи, причем с обвинениями, что у Сони нет чувства юмора.

Винокуров был безобразно толстым, безвкусно одетым дядькой под шестьдесят, не имевшим даже малейшего сходства со своими накачанными героями, которые словно вышли из спортзала минуту назад. Никитос жадно ловил каждое слово кумира, а Соня едва сдерживала зевету. Чтобы скоротать время, она рассматривала книги на полках магазина и думала о том, какие люди их написали. Похожи ли они на Винокурова?

Встреча длилась два с половиной часа, вопросы фанатов никак не иссякали, и в конце концов Соне банально захотелось в туалет. Она шепнула Никитосу о том, что выйдет,

выскользнула из книжного и потом, покинув дамскую комнату, постояла на маленькой обзорной площадке: огромный торговый центр бурлил перед ней деловитым муравейником, люди спускались и поднимались на эскалаторах, прозрачные лифты скользили вверх-вниз... Почему-то Соне стало грустно. Она подумала, что этот ее уход из книжного Никитос не оставит незамеченным и скажет что-нибудь вроде: «Опять ты мной недовольна. Начни уже работать над собой, чтобы я изменился».

Из магазина повалили возбужденные фанаты, сжимая в руках книги с автографом кумира. Никитос тоже принес такую книгу – первое издание «Хроник Сааты», имевшее в их семье статус культового предмета. «Наверняка сейчас ломится за подписью», – подумала Соня и вошла в магазин.

К ее удивлению, почти все поклонники Винокурова разошлись. Продавщицы убрали стулья, негромко переговариваясь о том, что все книги Винокурова раскуплены и надо делать дозаказ. Никитос, стоявший возле стола писателя, махнул рукой; Соня подошла к нему, и Никитос произнес:

– Вот, Владимир Андреевич. Моя жена. Предмет нашей беседы.

– Здравствуйте, – улыбнулась Соня. Винокуров смерил ее цепким, изучающим взглядом и аккуратно свинтил колпачок с дорогой ручки. Почему-то Соню зазнобило.

– Хорошо, Никита, – сказал Винокуров и, придвинув к себе книгу, принесенную Никитосом, открыл ее и бегло напи-

сал на форзаце, вслух диктуя самому себе: – Итак. «Дорогой Сонечке... на добрую память».

А потом неожиданно стало очень тихо и темно – Соня рухнула в сырой бездонный колодец, и последнее, что она увидела, была сытая ухмылка Никитоса, будто он хотел сказать. «Прощай, обезьяна».

– Подождите, как вы сказали? Винокуров? – Алита кивнула, и Лефевр горько рассмеялся. – Он отправил сюда мою мать. Точно так же, оставив автограф с ее именем. И она, как и вы, навсегда забыла, как ее зовут.

Лицо Алиты дрогнуло, и по щеке сбежала слезинка. Лефевр печально подумал о том, что довелось вытерпеть несчастной девушке – негодяй заставил ее страдать в родном мире, а здесь она попала в человеческий зоопарк, и ее мучения стали во много раз больше. Лефевр решил, что, пожалуй, никогда не станет спрашивать ее о том, что случилось после того, как Алита попала в Сузу. Лучше сделать вид, что ничего этого не было.

– Давайте посидим еще немного, Огюст-Эжен, – попросила Алита, глядя на мелкие язычки огня, перебегавшие по поленьям в камине. – Мне страшно идти спать. Вдруг, когда я проснусь, снова будет клетка. Или Никитос...

– Не думайте о нем больше, – посоветовал Лефевр. – Этот

подлец больше не причинит вам зла.

Когда Алита рассказывала о своем муже, Лефевр невольно вспомнил историю своего неудавшегося брака. Десять лет назад он посватался к дочери своего тогдашнего начальника, господина Кьежу. Трезвый расчет и зов плоти убедили его не зариться на красавиц – Кати Кьежу была старой девой, угрюмой и невзрачной, и Лефевр был уверен, что она согласится. Господин Кьежу был на седьмом небе от счастья: невероятное здравомыслие говорило, что деньги Лефевра делают его исключительным красавцем. У денег вообще очень много волшебных свойств. Но Кати воспротивилась, сказав, что отец может ее выпороть, но она не станет женой Страховида. Отец выпорол – он был уверен, что розги очень хорошо проясняют разум, однако Кати осталась непреклонной и заявила, что бросится в реку сразу же после первой супружеской ночи. Узнав об этом, Лефевр предпочел откланяться, к глубокому неудовольствию несостоявшегося тестя: тот уже распланировал, куда будет тратить деньги зятя. Кстати говоря, Кати после этого довольно быстро вышла замуж за Пиетро де Баска, избалованного наследника одного из столичных банкиров. Брак оказался откровенно неудачным. Господин Кьежу мрачнел день ото дня – довольно скоро всем стало известно, что де Баска поколачивает новоиспеченную супругу. Лефевр несколько раз встречал Пиетро в борделе, и очень скоро по столице поползли слухи о том, что он притащил супруге какой-то весьма специфический букет заболеваний.

Одним словом, Лефевр вполне мог злорадствовать, но язвительная радость при несчастьях других не была свойственна его натуре.

– Знаете, когда вы рассказывали о вашем муже, я подумал, что у меня есть похожий на него знакомый, – задумчиво произнес Лефевр. – Мерзавцы одинаковы во всех мирах. А этот Винокуров... вот кого бы мне доставить в допросную и побеседовать.

– В допросную? – едва слышно переспросила Алита. На ее внезапно побледневшем лице отчетливо проступил страх.

Лефевр отвел взгляд и ответил:

– Я инквизитор первого ранга. В мои обязанности входит поиск и уничтожение злонамеренных колдунов. Готов поклясться, что Винокуров самый страшный из них.

Алита молчала. Даже в полумраке кабинета было заметно, что ее знобит от нахлынувшего ужаса. «Неудивительно, – с грустью подумал Лефевр. – Попасть из клетки в инквизиторские лапы – считай, что из беды в горе». Девушка помолчала, а потом промолвила:

– В зоопарке меня выставляли как ведьму... Что вы собираетесь со мной сделать?

Лефевр пожал плечами. Надо было сказать что-нибудь успокаивающее и желательно с максимально мягкими интонациями – так утешают детей и животных. Он улыбнулся, стараясь не думать о том, насколько отталкивающей стала его физиономия с такой улыбкой, и сказал:

– Вы не ведьма, Алита. Вы несчастная скиталица между мирами. Я уже сказал, что вы в гостях у друга, и это действительно так.

Во взгляде девушки он прочел искреннюю признательность и облегчение. Лефевр вдруг подумал, что никогда и никому не даст ее в обиду. Просто потому, что она посмотрела на него так, как никто и никогда не смотрел до этого.

– А что я собираюсь с вами сделать... – он прищурился и продолжал: – Сейчас предложу вам отправиться спать. Полагаю, у вас был трудный день. Впереди у нас три дня праздников, и завтра мы займемся речевой магией.

Алита вопросительно изогнула левую бровь.

– Речевой магией? Как это?

– Очень просто, – улыбнулся Лефевр. – Новый тип заклинаний, недавняя разработка нашей разведки. Вы ведь не собираетесь говорить в Сузе по-русски?

Глава 2

Артефакт

Проснувшись, как всегда, до восхода солнца, Лефевр решил, что Алита ему просто-напросто приснилась. Он слишком много времени потратил, высматривая карие глаза у всех, кого встречал на пути, чтобы понять: вряд ли в столице появится еще одна гостья из иного мира, тем более землячка его матери. Это было нереально. Некоторое время Лефевр лежал в постели, глядя на почти неразличимую фреску на потолке, слушая, как за окном шуршит дождь, и прикидывая дела на сегодня. В полдень в кафедральном соборе Всех Святых начиналась месса во славу Рождества святой Агнес, и Лефевр не собирался опаздывать: инквизиторам не положено пропускать службу. После мессы можно было зайти в один из многочисленных ресторанчиков в центре города, пообедать и полистать свежую газету: Лефевр любил сидеть где-нибудь в углу возле окна, читать последние новости и сплетни и наблюдать, как кругом бурлит пестрая столичная жизнь. Остаток дня можно было провести в доме терпимости – Рождество святой Агнес, в отличие от многих других праздников, не накладывало ограничений плоти. Обычно Лефевр выбирал самых дорогих и красивых шлюх. Ему нравилось наблюдать, как сквозь профессиональную страсть

на лицах фееподобных девушек проступает отвращение.

Поднявшись, Лефевр подошел к окну и долго смотрел, как просыпается город. По мостовой бежали ручьи – свет фонарей превращал дождевые потоки в бурлящее золото; в домах горели редкие огни, горожане еще спали, но приказчики магазинов уже поднимали жалюзи витрин и принимались раскладывать на прилавках свежие товары. Извозчик, стоявший под фонарем, хлестнул унылую мокрую лошадку и покатиł в сторону конюшен: его смена закончилась, и, похоже, за ночь он почти ничего не заработал. Лефевр отошел от окна и потянул за шнурок колокольчика, подавая знак дворецкому.

Через десять минут Бланк постучал в дверь и, дождавшись разрешения войти, заглянул в спальню.

– Доброе утро, милорд, – сказал он и поклонился. – Ванна готова. Миледи Алита проснулась два часа назад.

Лефевр чуть не споткнулся на ровном месте. Миледи Алита. Значит, это был не сон и рыжеволосая девушка действительно появилась в его доме. Лефевр ощутил невольное прикосновение живительной радости – Алита была тут, он спас ее из клетки зоопарка, и она его не боялась. Что ж, это было замечательно. Насвистывая какой-то незатейливый мотивчик, Лефевр отправился приводить себя в порядок: день обещал многое.

Когда он, по обыкновению тщательно выбритый и одетый с иголочки, спустился в столовую, Луиз, накрывавшая

на стол, сделала быстрый реверанс и затараторила:

– Миледи Алита сейчас спустится. Она такая бледная, сколько же пришлось пережить ей, бедняжке! Амина сказала, что Бланк ей сообщил, что миледи едва спаслась от этих южных еретиков, буквально из-под ножа выскочила! Спасла святая Агнес, не иначе. И все молчит, бедная. Так жалко ее, ведь сердце разрывается, как подумаешь, что...

Болтовня не мешала Луиз идеально сервировать завтрак: фарфоровые тарелки с зерновыми хлопьями, аккуратные стопки блинов на подносе, хрустальные креманки с желе и джемом, блюда с изящно нарезанными ломтиками фруктов – и все это было выстроено на белоснежной скатерти с таким изяществом, что и королеву не стыдно пригласить.

– Я не отрезаю тебе язык только за отличную работу, Луиз, – сказал Лефевр, усаживаясь за стол.

Луиз запнулась на полуслове, прижала ладонь ко рту в жесте покорности и, поправив вазу с белыми орхидеями, убежала на кухню. Лефевр невольно похвалил себя за вчерашнюю выдумку. Работа в разведке инквизиции была отличным прикрытием для человека ниоткуда.

Послышались легкие шаги, и в столовую вошла Алита. Она действительно была бледной, но сегодня на ее лице почти не было следов страха и затравленности. Девушке удалось отдохнуть, и спокойный сон в чистой постели помог ей хотя бы немного прийти в себя. Сегодня ее глаза блестели, словно Алита выпила бокал вина, уголки губ едва заметно

приподнимались в улыбке, а старое платье Бригитты, голубое с отделкой браменским кружевом, превращало девушку в первую красавицу столицы. Алита действительно была красива – в очередной раз признав это, Лефевр ощутил укол неожиданной тоски.

– Доброе утро, Алита, – улыбнулся он, поднявшись со стула. Девушка подошла к нему и, взяв за руку, неожиданно всхлипнула и уткнулась лбом ему в плечо, как вчера, в экипаже, когда слышала родную речь.

– Спасибо, Огюст-Эжен, – разобрал Лефевр ее сбивчивый шепот. – Спасибо вам. Я только сейчас поняла...

– Все хорошо, – промолвил Лефевр, осторожно направляя Алиту к стулу. Когда она села за стол и, шмыгнув носом, взяла салфетку, Лефевр заботливо погладил ее по плечу и сказал, усевшись на свое место: – Нас сегодня ждет много дел, так что предлагаю позавтракать как следует. Обычно Бланк прислуживает мне за столом, но сегодня я решил, что нам лучше побыть без посторонних.

Несколько минут они молчали: каша и блинчики сегодня были особенно вкусными. Алита ела с завидным аппетитом; Лефевр задумчиво смотрел на нее и размышлял о том, что нужно сохранять здравомыслие и крайнюю трезвость ума, чтобы не принять благодарность за любовь. Наконец, после того как был выпит кофе со сливками, сваренный по особому семейному рецепту, Алита спросила:

– Так что там с речевой магией?

– Строго секретная совместная разработка инквизиции и разведки, – сообщил Лефевр. – Это особые чары, которые объединяют разумы двух людей и позволяют передать речевые конструкции и вокабуляр, – он помедлил, решив, что напрасно говорит слишком заумно. Все-таки не в суде. – Одним словом, если вы готовы, то мы можем начать.

Алита как-то нервно улыбнулась и сказала:

– А разве вам можно использовать магию? Простите, я не совсем поняла...

– Ничего страшного, – улыбнулся Лефевр. Поднявшись из-за стола, он протянул Алите руку, и они пошли к его кабинету. – Видите ли, в магии как таковой нет ничего противозаконного. Господь сотворил магию и дал людям для того, чтобы они делали свою жизнь легче и лучше. Но вот когда волшебство ставят на службу силам тьмы, используют с дурными целями, то появляется злонамеренное колдовство, с которым и борется инквизиция. Поверьте, в том, чем мы собираемся заняться, нет ничего предосудительного.

Заперев дверь кабинета изнутри, Лефевр подвел Алиту к окну и некоторое время пристально всматривался в ее глаза. Карие с прозеленью, наивные, широко распахнутые, смотревшие на него со страхом и надеждой; подавив внутреннее волнение, Лефевр произнес:

– Постарайтесь расслабиться. Больно не будет, уверяю.

Он не до конца понимал, как работает эта методика, но, в конце концов, иногда бывает достаточно знать основные

принципы, чтобы пользоваться той или иной идеей. Подняв руку к голове, Лефевр надавил пальцами на висок и, отведя руку в сторону, увидел, как за ней потянулась длинная сверкающая прядь, энергетический канатик, который должен был соединить их разумы. Алита потрясенно ахнула.

– Не шевелитесь, – предупредил Лефевр и осторожно прикоснулся к виску девушки. Та вздрогнула всем телом и попыталась отпрянуть в сторону, но канатик надежно прилепился к ее виску, и Алита покачнулась и оперлась на подоконник. Лефевр поддержал ее, не позволяя упасть, и шепнул на ухо: – Тихо, тихо. Полдела сделано. Надо немного потерпеть, самую малость.

Когда заклинание начало действовать, Лефевр ощутил колючую головную боль: она возилась и скреблась под черепом, словно мелкий свирепый еж. Глаза Алины закатились, и она, пробормотав что-то неразборчивое, обмякла в руках Лефевра – он и сам едва удержался на ногах. На какое-то мгновение очертания кабинета расплылись и растаяли, и он увидел большую комнату, заставленную книжными шкафами и полками, стол, за которым сидел толстый старик совершенно отвратительного вида, и раскрытую книгу перед ним. Старик расчихлил темное перо и, придвинув к себе книгу, проговорил:

– Итак. Дорогой Со... На добрую память.

Боль стала настолько невыносимой и жгучей, что Лефевр едва не завыл. Тряхнув головой, он закусил губу и крепче

стиснул руки, не позволяя Алите упасть. Видение растаяло бесследно: они снова были в его кабинете, Алита все еще была без чувств, а ее глаза судорожно метались под веками, словно девушка видела страшный сон. Лефевр резко втянул носом воздух и запрокинул голову назад – это испытанное средство всегда помогало, вот и теперь он окончательно пришел в себя и увидел, как канатик, прежде сверкающий и золотой, сейчас наливается зловещим темно-красным свечением, словно по нему текла кровь. Лефевр обрадовался: все шло правильно. Алита вздрогнула, один из гребней вывалился из прически, и волнистые рыжие пряди упали на плечо.

«А ведь в прежние времена ее сожгли бы, – подумал Лефевр. – Просто за красоту и цвет волос».

Он ведь почти разобрал ее имя. Солия, Сокия... Девушка прерывисто вздохнула, и канатик растаял с легким хлопком. Обряд завершился; вздохнув с облегчением, Лефевр осторожно опустил девушку в свое кресло и мягко похлопал по щекам.

– Алита, – негромко позвал он и сказал по-валеатски: – Алита, вы меня слышите?

Веки девушки дрогнули, и она откликнулась:

– Да. Да, слышу... Что-то меня тошнит.

Лефевр рассмеялся: Алита ответила ему по-валеатски и без малейших следов акцента.

– Это сейчас пройдет, – радостно сказал он и, выдвинув один из ящиков стола, достал шкатулку, содержимое кото-

рой составляли пузырьки из темного стекла.

Открыв самый маленький, Лефевр поднес его к носу Али-ты, и ей хватило одного вдоха, чтобы прийти в себя, зажму-риться и воскликнуть:

– Гадость какая!

Лефевр снова улыбнулся. Он давно не чувствовал себя та-ким счастливым и таким... живым, что ли.

– У нас все получилось, – сказал он. – Мои поздравления, Алита, вы прекрасно говорите по-валеатски.

Девушка с сомнением во взгляде посмотрела на него и спросила:

– Точно? – и осеклась, поняв, что говорит не по-русски. На мгновение она замерла, словно вслушивалась в слова, звучавшие в ее голове, а потом на ее лице расцвела удиви-тельная улыбка: мягкая и немного смущенная.

Лефевр поймал себя на том, что тоже чувствует непри-вычную робость, и, чтобы сменить тему, сказал:

– Алита, во время ритуала я заглянул в ваше прошлое, – девушка изумленно посмотрела на него, и Лефевр продол-жил: – В момент вашей встречи с Винокуровым в магазине. Я видел, как он подписывал книгу и почти рассмотрел ваше имя.

Радость покинула лицо Али-ты. Она поднялась с кресла и, подойдя к окну, с задумчивой печалью уставилась вниз, на шумную праздничную улицу. По мостовой шли гуляю-щие, корабейники предлагали засахаренные фрукты и куль-

ки с цукатами, возле магазинов размахивали флажками зазывалы.

– Если вы назовете его, – промолвила Алита, – я вернусь обратно?

Лефевр пожал плечами. Он вдруг понял, что его гостья испытывает не грусть, а самый настоящий страх – ей одновременно хочется вернуться домой и остаться здесь. Дома ее ждал муж: если Никитос додумался до того, чтобы выкинуть опостылевшую жену в другой мир, то страшно представить, что еще он может выкинуть, если Алита вернется.

– Я не знаю, – признался Лефевр. Приблизившись к Али-те, он дотронулся было до ее локтя, словно хотел успокоить и утешить, но тотчас же опустил руку. – Если хотите, то могу назвать то, что мне удалось рассмотреть.

– Ничего не помню, – призналась Алита. – Я же вижу перед собой эту надпись в книге. А имени не могу разобрать...

Она обернулась и посмотрела на Лефевра так, что он почувствовал невольную дрожь.

– Назовите, – сказала Алита, и Лефевр вдруг понял, где видел такое выражение лица, как у нее: у колдунов, идущих на казнь, понимающих, что ничего уже не исправить, и готовых принять свою судьбу. – Назовите его, Огюст-Эжен, и будь что будет.

– Там было написано: «Дорогой Солии», – промолвил Лефевр. – Или «Дорогой Сокии». Я не уверен точно.

Он был готов ко всему – например, к тому, что Алиту под-

хватит черный смерч и унесет прочь или же она просто растворится в воздухе: только что была тут, а теперь исчезла. Но ничего не произошло. Алита по-прежнему стояла возле окна, только теперь обреченность и горе стремительно покидали ее лицо.

– Значит, это не те имена, – сказала она с явным облегчением. – Должно быть, вы не рассмотрели надпись четко, потому что я ее не помню.

– Может быть, – ободряюще улыбнулся Лефевр. Ощущение было таким, словно с плеч свалился мешок, набитый здоровенными булыжниками. – Но знаете, что самое интересное? Перо этого мерзавца Винокурова. Это артефакт, причем очень сильный. И артефакт из нашего мира – я различил несколько несомненных деталей.

– Что же нам делать? – спросила Алита, и Лефевр отметил для себя это «нам».

– Я сегодня съезжу в гости к старому знакомому, – ответил он. – Бьорн Гундеготт, профессор кафедры артефакторики. Думаю, он даст ответы на мои вопросы. Видите ли, Алита, – Лефевр взял девушку за руку, и она не вздрогнула и не отстранилась. – Неизвестно, сколько еще человек Винокуров выкинет из вашего мира. Он негодяй, и я должен его остановить.

– Это ваша работа, – вздохнула Алита.

Лефевр кивнул.

– Да. Служить людям, защищать слабых и преследовать

зло везде и всюду, – произнес он. – А Винокуров – зло. И я его достану.

Алита не пошла на мессу: Лефевр решил, что пока ей лучше посидеть дома. Бланк, слушая распоряжения хозяина, заметил, что для молодой леди можно вызвать куафера и портного – благородной даме все-таки не пристало носить старые, да еще и чужие вещи. Лефевр согласился: обновки и прическа наверняка порадуют Алиту, а он очень любил делать подарки. Правда, в последнее время дарить их было почти некому...

Народу в кафедральный собор набилось столько, что Лефевр едва смог пробраться к скамьям, зарезервированным для инквизиции. Гербрэнд Гуле, его коллега и давний приятель, подвинулся, освобождая место, и поинтересовался:

– Говорят, у тебя личная жизнь налаживается?

Лефевр закатил глаза. Гуле был хорошим человеком, но обожал слухи и сплетни. Иногда казалось, что он знает о каком-нибудь щекотливом событии за полчаса до того, как оно произойдет. Впрочем, к чести своей, он никогда и никому не передавал того, о чем ему рассказывал Лефевр, – это и делало их друзьями.

– Ты о чем? – ответил Лефевр вопросом на вопрос, попутно решив, что вся прислуга сегодня получит выволочку.

Гуле посмотрел на него чуть ли не обиженно: мол, скрываешь, а я-то думал, что мы друзья и братья по оружию.

– О рыжеволосой миледи, конечно, – заговорщицки промолвил он.

– Это мой агент, – сухо сказал Лефевр. – Помнишь дело Ятти Яаппи?

Гуле прищурился.

– Это когда в страну ввозили наркотики с югов под видом пряностей? – уточнил он. – И маскировали заклинанием Те-ни?

Лефевр кивнул.

– Совершенно верно. Миледи Алита была моим внедренным агентом. Схизматики вычислили ее и приговорили к смерти, она бежала, долго скрывалась и только вчера смогла выйти со мной на связь. – Гуле слушал с приоткрытым от удивления ртом, и Лефевр добавил: – Представь себе, она пересекла границу в клетке человеческого зоопарка.

Гуле уважительно покачал головой.

– Иногда ты меня просто потрясает, Огюст-Эжен, – признался он. – А я-то уж было решил, что скоро мы всем отделом будем есть салаты на твоей свадьбе.

Лефевр натянуто улыбнулся и решил сменить тему.

– Кстати, что ты знаешь о Ползучих артефактах? – спросил он. Гуле, несколько лет сотрудничавший с кафедрой артефактологии, знал о магических предметах если не все, то очень многое. Возможно, и в университет не придется ехать.

Приятель пожал плечами.

– Ну, во множественность обитаемых миров ты ве-
ришь... – задумчиво произнес он. Лефевр кивнул, и Гуле
продолжал: – Ползучие артефакты способны перемещаться
между мирами. Есть мнение, что, попадая в иной мир, они
во много раз усиливают свои свойства. Но это, как ты сам по-
нимаешь, исключительно философское утверждение. В уни-
верситете есть несколько предметов с довольно специфиче-
скими свойствами, но, конечно, никто тебе не скажет навер-
няка, есть ли другие миры или нет. И действительно ли эти
предметы там побывали. А кстати, с какой целью интерес?

– Мне скинули дело Мороженщика, – сказал Лефевр. – У
меня есть подозрение, что он использует нечто вроде Ползу-
чего артефакта.

Священник, облаченный в белое с алым одеяние, вышел
из алтарной части храма. Служки несли за ним жертвенных
животных и фрукты. Люди, собравшиеся в соборе, встали и
склонили головы в знак смирения перед волей Небес.

– Чувствую, что Мороженщику не поздоровится, –
негромко проговорил Гуле. Лефевр усмехнулся, чувствуя,
как презрительно каменеет лицо.

– Не поздоровится, – откликнулся он. – Это уж точно.

Алита и подумать не могла, чем закончится ее желание

просто прогуляться по улице. До сих пор она успела познакомиться только с крошечным уголком столицы и решила не терять времени даром, тем более что приглашенный парикмахер подстриг и уложил ее волосы по здешней моде, а портной, сняв мерки, что-то прикинул по записям в крошечном блокноте и сказал:

– В моей мастерской есть прекрасное готовое платье по меркам миледи. Если желаете, я принесу.

Конечно, благородные сузианки дождались бы портного с платьем, сидя в собственной гостиной, но Алите показалось неприличным гонять человека туда-сюда, и она отправилась с ним в мастерскую, откуда вышла через полчаса уже в новом наряде – восхитительном светло-зеленом платье с такими искусными вышивкой и отделкой, что Алита невольно почувствовала себя принцессой. В прежней жизни она предпочитала джинсы и кроссовки, но сейчас, когда корсет бережно обнимал талию, мягко приподнимая грудь и придавая осанке истинно дворянскую горделивость, Алита не просто шла, а плыла по мостовой, и губы сами собой изгибались в улыбке: эх, увидел бы ее Никитос – точно бы язык проглотил и подавился своей любимой «обезьяной».

Мысль о бывшем муже не испортила ей настроения, тем более что день выдался пусть и пасмурный, но теплый, а архитектура города оказалась очень интересной – так что Алита чувствовала значительный душевный подъем, любуясь стройными силуэтами дворцов и особняков, останавли-

ваясь возле клумб с пышными осенними цветами и рассматривая афиши на пузатых тумбах. Спустя пару часов она почувствовала легкую усталость и, прикинув обратный маршрут, решила возвращаться в дом Огюста-Эжена. Он, вероятно, уже вернулся с мессы и с кафедры артефакторики. Думая о своем новом друге, Алита не могла не улыбаться от счастья – Огюст-Эжен, судя по всему, был очень хорошим человеком. Напрасно его называют Страховидом: во время ритуала речевой магии Алита поймала обрывок воспоминаний инквизитора – крошечный кусочек прошлого, в котором была какая-то привычная грусть, понимание, что всем понравиться невозможно, и обреченность на одиночество. Вопреки стереотипам, Огюст-Эжен не озлобился: он просто принял свою судьбу и стал жить дальше – Алита не могла не уважать такой подход к жизни. Впрочем, она не считала инквизитора ни страшным, ни уродливым – его внутренняя сила была отличным заменителем внешней привлекательности: жаль только, что остальные не хотели этого понимать. Но у жителей Сузы, насколько Алита успела разобраться, был настоящий культ физической красоты: гуляя по столице, девушка насчитала около пятидесяти магазинов модной одежды, а уж парикмахерских и салонов красоты вообще было понатыкано на каждом углу.

Задумавшись, Алита не заметила, как случайно наткнулась на молодого мужчину, выходявшего из дверей парикмахерской и благоухавшего парфюмерией на всю улицу. Муж-

чина был по меньшей мере принцем: во всяком случае, он раскричался так, словно Алита не просто нечаянно наступила ему на башмак из синей замши, а переехала его экипажем, причем несколько раз.

– Простите меня, милорд, – она обворожительно улыбнулась, стараясь свести все не к обиде, а к легкому недоразумению. – Уверяю вас, я не нарочно.

– Под ноги смотри, животное! – рывкнул на нее щеголь. Кругом уже начал собираться народ: скандал привлек внимание гуляющих, и они поспешили посмотреть, в чем дело. – Тончайшая замша, сшито на заказ самим Витуаром Монте-нем, а ты истоптала все своими копытами, дрянь!

Алита почувствовала, как щеки заливает горячей краской стыда и обиды. Не потому, что франт орал на нее, а потому что он был похож на Никитоса. Муж точно так же раздувал скандал на пустом месте, Алита была виновата во всем: в плохой погоде, в скачках валют, в пылинках на подоконнике, а если она пыталась извиняться и оправдываться, то скандал разгорался с новой силой. Это было настолько горько и обидно, что Алита ощутила резкую боль в груди: там словно взбух тяжелый нарост, в котором таилось нечто, рвущееся на поверхность.

Оно действительно вырвалось: Алита увидела алую вспышку, а скандалящий франт на мгновение захлебнулся воплями и рухнул на мостовую, схватившись за горло. Толпа замерла, а потом люди разразились испуганными и нервны-

ми криками, и кто-то схватил Алиту за руку, призывая полицию и инквизицию.

– Ведьма! – орала тоненькая леди эфемерной, почти ангельской красоты. Ее крики больше подошли бы торговке овощами. – Ведьма! Злонамеренная ведьма!

– Ведьма!

– Держите ее!

Ноги подкосились, и Алита свалилась на мостовую. Вопли зевак на мгновение усилились, а потом растаяли, и стало темно.

– Нежные какие ведьмы пошли, – сказал мужской голос, спокойный и холодный. От слов веяло стылостью прозекторской и январским морозом. – Прибила человека и свалилась.

Рука, затянутая в гладкую перчатку, поплыла от груди к животу и ниже. Алита вдруг поняла, что холодный голос говорит о ней, и чужая рука по-хозяйски оглаживает ее тело. Это было настолько гадко и отвратительно, что Алита дернулась в сторону и тотчас же закричала от боли, пронзившей запястья.

– Не так быстро, дорогуша, – хохотнул второй. – А то покалечишься до начала потехи.

Тьма перед Алитой рассеялась, открыв небольшой, ярко освещенный зал и двоих молодых мужчин в темно-серых

форменных сюртуках с белыми шнурами на груди. В такую же форму был одет Огюст-Эжен, только шнур у него был один, золотой. Переведя взгляд в сторону и вверх, Алита увидела, что ее руки пристегнуты к каким-то деревянным перекладинам. Липкий мерзкий страх, зародившийся в груди, стал расти и крепнуть. Помещение было слишком похоже на пыточную, а эти двое в форме – на тех, кто не церемонится с попавшими к ним в руки.

– А она крепкая, – обладатель холодного голоса, тощий и бледный тип с неприятным цепким взглядом, деловито хлопнул Алиту по бедру.

«Я голая вишу на дыбе, – подумала она. – И меня собираются допрашивать и пытаться. Либо насиловать и пытаться. Ничего хорошего».

– Ну еще бы, – второй, светловолосый крепыш, сунул перо в чернильницу и поднялся из-за стола. – Хороший нам подарочек к празднику, правда? Ведьма, да злонамеренная, да еще и хорошенькая. Скоротаем дежурство, да?

Алита прикрыла глаза, стараясь совладать с собой. В памяти всплыл орущий фронт на мостовой – если она действительно каким-то образом убила его, то дела очень плохи. Тут никто не станет проявлять доброту и понимание к злонамеренным ведьмам. Впрочем, один вариант все же был.

– Руки убери, урод, – процедила Алита, презрительно глядя поверх голов инквизиторов. Первый, который по-прежнему водил ладонью по ее бедру, посмотрел на Алиту так,

словно с ним заговорило животное. – Руки убери и отвяжи меня. Я из ваших. Работаю со Страховидом Лефевром. Так что отвяжи меня и принеси мои шмотки. Холодно тут.

Светловолосый ухмыльнулся и покачал головой. Похоже, слова Алиты не произвели на него никакого впечатления – в отличие от его коллеги, на лице которого проступило сомнение.

– Да мы с товарищем не брезгливые, – спокойно сказал он. – Под кем ты там валяешься, нам без разницы. А вот за грубость... За грубость надо отвечать, – и он хлестнул Али-ту по щеке, сильно и резко, так что она отшатнулась, удари-лась головой о деревяшку дыбы и обмякла, бессильно повис-нув на оковах. Сквозь волну вязкой беспомощности, охва-тившую тело, Алита почувствовала, как светловолосый с ка-ким-то привычным спокойствием патологоанатома скольз-нул ладонью по ее лобку и вниз и резким, отработанным дви-жением запустил пальцы внутрь. Алита взвизгнула и снова рванулась в сторону и получила еще одну пощечину.

– Ну, виргинального состояния и в помине нет, – про-комментировал светловолосый, отводя руку. – Собственно, неудивительно. А поэтому...

– А поэтому вы сейчас снимаете ее с дыбы, – прозвучал в допросной новый голос. Вскинув голову, Алита увидела, что на пороге стоит Огюст-Эжен собственной персоной и его вид не сулит коллегам ничего хорошего. Он смерил присутству-ющих презрительным взглядом и рявкнул: – Быстро, мать

вашу!

Недавние истязатели кинулись к дыбе, и через несколько минут Алита уже сидела на низенькой скамье, подтянув колени к животу и прикрыв грудь руками. Лефевр прошел к столу и, взяв исписанные листки, пробежался по ним взглядом. Незадачливая парочка вытянулась во фрунт поодаль: по их побледневшим лицам было понятно, что их не ждет ничего хорошего.

– Она сказала, что является сотрудником инквизиции? – Лефевр говорил спокойно, но Алита чувствовала тяжелую волну его внутренней ярости, медленно катившуюся по допросной.

– Да, говорила, что работает с вами, – хмуро признался светловолосый.

Лефевр развернулся от стола и посмотрел на него так, что белесый истязатель явно собрался бежать застирывать портки.

– И?

– Ну вы же не говорили, что она с вами работает, – подал голос второй инквизитор.

Ноздри Лефевра дрогнули.

– Не понял, – с обманчивой мягкостью сказал он. – Я должен перед вами отчитываться? Она просто оглушила этого придурка и правильно сделала. Будет знать, как себя вести. В конце концов, по протоколу это просто устное разъяснение на месте, не более того.

Инквизиторы дружно опустили взгляд в пол. Если бы они могли, то наверняка растаяли бы в воздухе. Шмыгнув носом и смахнув со щеки слезинку, Алита притянула к себе ворох своей одежды и принялась одеваться. Ее знобило, и она по-прежнему чувствовала в себе чужие пальцы. Это было невыносимо. За время, проведенное в зоопарке, она успела смириться с тем, что ее личные границы может нарушить любой, что у нее нет прав даже на собственное тело, но вот надо же – расслабилась, размякла, поверила, что все будет хорошо, и жизнь тотчас же снова кинула ее в грязь.

Платье застегивалось на спине. Еще один повод ощутить себя полностью беспомощной.

– Пошли вон, – произнес Лефевр так, что Алиту стало знобить еще сильнее.

Инквизиторы покинули пыточную практически на первой космической скорости: только что были тут – и уже нету. Только дверь хлопнула.

Лефевр подошел к Алите и принялся застегивать крючки платья. Алита стояла неподвижно, чувствуя себя сломанной марионеткой в руках кукольника. Осторожные прикосновения заставляли Алиту задерживать дыхание от непонятного тянущего чувства, наполнявшего грудь.

– Я очень испугался за вас, – признался Лефевр. – Как вы себя чувствуете?

Его забота казалась совершенно искренней, но Алита ощущала, как между ними возникает стена, мешающая пове-

ритель в эту искренность. Потому что она до сих пор чувствовала чужие прикосновения на своей коже. Служить людям, защищать слабых, преследовать зло – что ж, она на собственном опыте убедилась, как именно здешние инквизиторы делают свою работу. Интересно, сколько ни в чем не повинных женщин Лефевр пропустил через эту пыточную, собственноручно проверяя их виргинальное состояние? И что он делал с ними после этого? Многим ли удалось уцелеть?

Негодяи не всегда выглядят таковыми. Никитос тоже сначала создавал впечатление приличного человека.

– Неважно, – выдохнула Алита и сделала несколько шагов в сторону, не оглядываясь на Лефевра. – Спасибо за все, что вы для меня сделали, Огюст-Эжен. Прощайте.

– Подождите, – Лефевр придержал ее за руку и встревоженно произнес: – Я никуда вас не отпущу в таком состоянии.

От нарастающей боли в груди Алите хотелось кричать. Она попробовала вырвать руку, но проще было бы освободиться из капкана. Лефевр развернул ее к себе, и Алита, взглянув в его лицо, поняла, что он растерян. Причем растерян всецело.

– По крайней мере, объясните, – негромко сказал он.

– Вы инквизитор, – выдавила Алита. Боль в груди подступала к горлу, стискивала его жгучими пальцами, и слова превращались в предсмертный хрип. – А методы работы инквизиции я только что испытала на своей шкуре. Я признатель-

на вам за помощь и всегда буду благодарна за то, что вы для меня сделали... Но вы такой же, как и эти уроды. Профессия обязывает.

Пальцы Лефевра разжались, и он опустил руку. Несколько мгновений Алита стояла молча, не в силах взглянуть ему в лицо, а потом сказала:

– Прощайте, – и пошла к выходу.

Она не видела, куда идет, и не понимала, что происходит вокруг. Голову наполнял странный шум, и Алите казалось, что она вот-вот упадет где-нибудь. Она прекрасно понимала, что вырвалась в новую жизнь, не имея ни документов, ни денег, что сама отказалась от единственного человека в Сузе, который был к ней добр, что... Выйдя из здания инквизиции, Алита долго шла по темнеющим улицам вечернего города, расцветающего огнями фонарей и реклам, и ей было все равно, куда она идет. Она не испытывала ничего, кроме горечи и ненависти к себе и своему телу. Ничего больше.

Потом она пришла в себя – сознание прояснилось, и Алита обнаружила, что сидит на лавочке возле входа в маленький парк, а напротив веселый круглый фонарь над гостеприимно распахнутыми дверями особняка освещает большой плакат. Изящные буквы с легким наклоном извещали о том, что «Дому мадам Бьотты требуица прикащица». Вздыхнув и мысленно исправив орфографические ошибки, Алита поднялась со скамьи и направилась к особняку.

Глава 3

Дом мадам Бьотты

– Ах, – тяжело вздохнула пышнотелая дама, затянутая в корсет на три размера меньше, чем надо, выбираясь из-за стойки возле входа. – Ох... Кофе меня погубит, а не пить не могу. Тут без кофе Господу душу отдашь. Я мадам Бьотта, милочка. Что ты хотела?

– Меня зовут Алита Росса. Я по объявлению, – сказала Алита. – По поводу приказчицы.

Мадам Бьотта просияла и едва не кинулась к Алите с объятиями. Одна из многочисленных дверей, выходящих в длинный, слабо освещенный коридор, открылась, из комнаты вышла темнокожая девушка, всю одежду которой составляли папилютки в кудрявых волосах, и спросила:

– Жерар не появлялся?

– Нет, – ответила мадам Бьотта. – Вот видишь, Анзуна, недаром я ходила на мессу! Святая Агнес услышала мои молитвы. Хоть и невинная дева, а понимает людские слабости.

Анзуна вопросительно изогнула бровь. Левый сосок девицы украшало золотое кольцо с подвешенным колокольчиком, маленькая лампа на стене бросала медовые блики света на круто изогнутые бедра; Алита смущенно отвела взгляд. Похоже, она попала в веселое заведение.

– Что, новая приказчица? – Анзуна одарила Алиту белой улыбкой. – Миледи, с Жерара берите только золото. С купюрами у него сложные отношения, он их сам рисует.

Мадам Бьотта замахала на девицу пухлыми ручками.

– Иди, иди! Напугаешь миледи! – Томно улыбнувшись, Анзуна скрылась в комнате, и мадам, указав на высокий стул рядом со стойкой, сказала: – Присаживайся, дорогая. Ты умеешь читать и писать?

– Конечно, – промолвила Алита, опустившись на стул. – Иначе как бы я поняла, что написано в объявлении?

– Верно, верно, – закивала мадам. Откуда-то из-под стойки она вынула белую фарфоровую чашку и пузатый кофейник. – Угощайся, милая. Кофе варить умеешь?

Алита кивнула. В свое время Никитос обучил ее пяти способам варки кофе – кто б мог подумать, что это умение пригодится ей в другом мире?

– В чем будет заключаться работа? – спросила Алита, сделав маленький глоток из чашки. Кофе был идеальным: не слишком крепкий, не слишком сладкий.

– Организация, – мадам плавно провела рукой по воздуху, – всего этого. Прием гостей, заказ спиртного и закусок. За горничными следить, а то мерзавки стали лениться в последнее время. В первый день новой недели приходит врач – за ним тоже надо смотреть. Его работа проверять девочек, а не спать с ними. Да! Ты ни с кем не спишь. Ты не проститутка, а наполовину хозяйка. Ну то есть спишь с теми, кто тебе

понравится. Выбираешь сама.

Алита внутренне рассмеялась. Да, карьера в публичном доме – достойное завершение пути на новой родине. Впрочем, терять ей нечего. Бордель все-таки лучше, чем клетка, дыба и тюрьма. А с каторгой и эшафотом вообще никакого сравнения.

– У меня была работа, похожая на эту, – сказала Алита. После института она смогла устроиться только офис-менеджером и в агентстве недвижимости была, что называется, и швец, и жнец, и на дуде игрец: она сидела на телефоне, размещала объявления на сайте, закупала товары для офиса, встречала посетителей и выполняла еще добрый десяток дел. – Думаю, я справлюсь.

– Вот и замечательно! – воскликнула мадам Бьотта. – А где ты работала?

– Наша контора занималась продажей домов, – с достоинством ответила Алита, и мадам Бьотта уважительно покачала головой. Похоже, Алита вознеслась для нее на недостижимую высоту.

– Документы есть? – спросила мадам. Алита отрицательно покачала головой, но мадам только рукой махнула. – Ладно, не беда, – сказала она. – Сейчас придет господин Бурджани, решим вопрос... – кто-то остановился у входа, соскребая грязь с обуви о специальный металлический выступ у дверей, и мадам Бьотта, высунувшись из-за стойки, сказала: – А вот и он.

В дом вошел высокий, богато одетый мужчина – молодой, суровый, с осанкой крупного чиновника. Раскланявшись с мадам Бьоттой и пристально взглянув на Алиту, он мгновенно определил ее место в иерархии заведения и, сделав поклон, прикоснулся к правому виску – насколько успела понять Алита, это был знак уважения.

– Познакомьтесь, дорогой друг, – сказала мадам. – Миледи Алита Росса, наша новая управляющая. Дорогая Алита, это господин Максим Бурджани, председатель Верховного суда.

Алита улыбнулась и промолвила:

– Встреча с вами – это честь для меня, милорд, – оставалось только надеяться, что в рамках местного этикета такого приветствия достаточно.

Бурджани посмотрел на нее с непритворным уважением и теплой симпатией.

– Очень рад, миледи Алита, – произнес он. – Уверен, наша с вами встреча перерастет в крепкую дружбу.

– Увы, – с неподдельной горечью сказала мадам Бьотта, – у миледи случилась беда. Какой-то подлец вырвал у нее на улице сумочку с документами.

Алита сокрушенно кивнула: дескать, да, такая вот неприятность. Однако Бурджани беззаботно махнул рукой.

– Это не беда и даже не мелкая проблема, – сказал он. – Завтра же я пришлю секретаря с новыми документами для миледи Алиты. Право, такие мелочи не стоят переживаний.

Бьянка уже готова?

– Разумеется, дорогой друг, ждет с нетерпением, – улыбнулась мадам, и Бурджани, еще раз раскланявшись с дамами, покинул прихожую и, пройдя в конец коридора, скрылся в одной из комнат.

Через несколько минут служанка понесла туда поднос с бутылкой вина и бокалами. Мадам Бьотта усмехнулась.

– Обожает порку, – сообщила она. – Бьянка прекрасно управляется с плеткой, раскладывает его на лавке каждый день.

Алита понимающе покачала головой: да, это бывает. Вещи, которые для Сузы были непристойными и бесстыдными, пока не шокировали ее: Алита ходила с мужем на «Пятьдесят оттенков серого». Мадам Бьотта очень внимательно и оценивающе посмотрела на нее и произнесла:

– Хотела бы я знать, кто ты такая на самом деле. – Алита вопросительно взглянула на мадам, и та продолжила: – У тебя осанка и манеры аристократки. Но благородные дамы не работают. В тебе есть внутренняя свобода. Любая дворянка была бы шокирована привычками господина верховного судьи, а ты и бровью не повела. Кто же ты?

Алита усмехнулась и ответила абсолютно честно:

– Я ведьма из иного мира.

К ее удивлению, мадам Бьотта понимающе кивнула:

– О да, это многое объясняет.

Маленькая смуглая служанка проводила Алиту в комнату на втором этаже: здесь новой приказчице предстояло жить. Алита осмотрелась: мебель выглядела дорогой, широкая кровать оказалась мягкой, в буфете обнаружилась тарелка с закусками и бутылка вина, а за неприметной дверью Алита увидела самый настоящий санузел с небольшой ванной и унитазом – это было лучше всего. После сегодняшнего дня ей больше всего хотелось вымыться.

Едва Алита включила воду и стала набирать ванну, как в дверь постучали, и вошла другая девушка, такая же низкорослая и смуглая, как и первая. Она принесла ворох одежды и белья – мадам Бьотта расстаралась, на глаз прикинув размеры и послав служанку в ближайший магазин. Алита сердечно поблагодарила служанку и, когда та сделала реверанс и вышла, сказала себе, что жизнь налаживается. После ванны Алита надела свежую сорочку и, поужинав холодной ветчиной, обнаруженной в буфете, подумала, что пока все не так плохо. Перед тем, как она легла в постель и провалилась в сон, ей вспомнился Огюст-Эжен, и Алите пришло в голову, что она могла глубоко его оскорбить. Но сон накрыл ее тяжелым пуховым одеялом, и размышления оборвались.

Наутро, после скромного завтрака, поданного в комнату, мадам Бьотта пригласила Алиту в зал для приемов – знако-

мать с обитателями дома. Девушки, сонные, растрепанные, развалившиеся на диванах и в креслах по-простому, в одних сорочках и панталонах, приветствовали Алиту вполне доброжелательно. Служанки, оценив новую приказчицу, сделали реверансы, и мадам Бьотта, отправив их делать уборку, покинула зал, сказав:

– Ну, поговорите, дорогие, сойдитесь друг с другом по-лучше.

– Вам не о чем беспокоиться, миледи Алита, – сказала Анзуна. Небрежно раскинувшись в глубоком кресле, она ела из коробочки рахат-лукум, и следы сахарной пудры на лице были похожи на боевую раскраску. – Девицы у нас приличные, стекло друг другу в туфли не сыпят. Господа приходят из самого высшего общества. Все очень чинно и благородно.

Чернокожая Анзуна, судя по всему, пользовалась значительным авторитетом среди работниц борделя – ее слушали молча и не перебивая.

– Чинно-то чинно, – заметила тоненькая блондинка, одаренная какой-то изумительной холодной красотой. – А мерзавец Скавальдо подсунил мне фальшивый бриллиант. Ну не урод? Я ему этот бриллиант так засуну, никакой доктор не вытащит.

Девушки обменялись сочувственными репликами.

– Говорят, у Скавальдо плохи дела, – подала голос точеная брюнеточка, лакомявшаяся виноградом. – Попал между розой и мимозой. А говорили ему, не надо разводить лекар-

ства! Так ведь нет...

– Между розой и мимозой? – удивилась Алита. – Это как? Девушки добродушно рассмеялись.

– А, это наш внутренний жаргон, миледи, не удивляйтесь, – объяснила брюнеточка, отправив в рот очередную виноградину. – Ничего, скоро будете понимать все наши разговоры с полуслова. А между розой и мимозой – это вот так.

И, широко разведя ноги, она продемонстрировала и розу, и мимозу через широкий разрез в панталонах. Алита почувствовала, как к щекам прилила краска.

– Да, чего-то в этом роде я и ожидала, – призналась она. – Что еще мне нужно узнать?

– Андра обязательно будет к вам клеиться, – сказала Анзуна, облизывая пальцы. – Такой длиннобудылый, костлявый. Вы в его вкусе.

– И гоните его к бисовой матери! – посоветовала коротко подстриженная девочка, больше похожая на нескладного мальчишку. – Он жмот. И кончить не может.

– А вот его высочество Рекиген – прекрасный кавалер, – сообщила брюнеточка с виноградом. – И щедрый, и веселый, и... – она сделала тот жест, каким рыбаки показывают пойманную рыбу: размеры впечатляли. Вздохнув, девица с сожалением промолвила: – Только он нечасто заходит. Кстати, вино для него можно разбавлять, он в винах плохо разбирается. Казалось бы, такой титул, а вот на тебе.

– Ой, еще же Энильм! – вспомнила блондинка, обиженная

фальшивым бриллиантом. – Девки, что расскажу! Потеха! Он в прошлый раз с приятелем пришел, они друг с друга всю ночь не слазили, а я смотрела. Сижу, глаза слипаются, а Энильм, главное дело, все время зыркает, смотрю ли я. Ну ладно, зато заплатили щедро.

– Не слезали, деревня, – лениво поправила Анзуна. Блондинка скорчила ей недовольную рожицу, а Анзуна продолжила: – А Линделик, председатель Первого столичного?

Девушки издали дружное язвительное восклицание.

– Клянусь святой Агнес, он попросит вас на нем покататься! – промолвила пухленькая черноволосая девица, сидевшая в дальнем углу зала. – Любит лошадку изображать.

Алита прижала ладони к щекам. Она никогда прежде не чувствовала такого смущения и такой неловкости.

– Право, мне уже не по себе, – призналась она.

Девушки посмотрели на нее с дружелюбием и душевным теплом, словно Алита им очень понравилась.

– Как вы-то к нам попали? – с доброжелательным сочувствием спросила брюнетка с виноградом. – Сразу видно, не нашего полета вы птица.

Несколько минут Алита молчала, пытаясь собрать удобоваримую историю из всего, что приключилось с ней в Сузе. Наконец она сказала:

– Мой муж лишил меня рассудка злонамеренным заклинанием, чтобы жениться на другой. Продал меня в человеческий зоопарк. Там я сидела в клетке. Без разума, без по-

нимания... Потом мне стало лучше, и я смогла сбежать, добралась до друзей, но они сказали, что мне лучше скрыться – если мой муж узнает, что я жива, он не оставит попыток расквитаться. Так я и оказалась в доме мадам Бьотты. По счастью, ей требовалась приказчица.

– Господи, бедняжка! Каков подлец! Жену родную – в клетку! – заговорили девушки.

Алита поняла, что ей поверили, смахнула с нижнего века невидимую слезинку и вздохнула с видом полного принятия своей судьбы: вот так, мол, все и вышло.

Анзуна вскинула тонкую руку, казалось выточенную из черного блестящего дерева, и, дождавшись полной тишины, сказала:

– Теперь вы среди друзей, миледи Алита. Уж тут-то вас никто не обидит.

Алита опустила глаза. Только позавчера ей говорили то же самое.

Несмотря на опасения Алиты, работа оказалась несложной – эта простота с лихвой окупалась тем, что работы всегда хватало. Неделя начиналась с приезда поставщиков продуктов и спиртного, и к этому моменту Алита должна была провести ревизию остатков и выдать новые заказы. Каждый день приходили прачки и швеи: для них надо было собрать ве-

щи, нуждавшиеся в стирке и починке, и принять уже выстиранное и зашитое. Раз в неделю приходили мытари – Алита отсчитывала им налог с девушек, заявлялись бодрые ребята с маслеными глазками из столичных служб быта – Алита выплачивала им деньги за обслуживание здания, воду и отопление. Однажды пришел немолодой господин в инквизиторской форме, и Алита, увидев его, едва не спряталась под стойку, но господин поинтересовался, есть ли среди сотрудниц ведьмы, попросил расписаться в тетради и был таков.

Это были обычные, бытовые дела. С двух часов дня, сразу после начала обеденного перерыва, начинали приходиться гости. Анзуна была права: это были сплошь респектабельные господа, уважаемые члены столичного общества и благородные отцы семейств. Среди них были председатели банков, чиновники городского управления, судьи, полицейские генералы; Алита, как и советовала мадам Бьотта, сумела завести с ними уважительную дружбу – посетители борделя относились к ней почтительно и практически не делали предложений провести время вместе. Алита же не испытывала к ним ничего, кроме брезгливого презрения. Кто бы мог подумать, что, допустим, господин Керьетт, известный столичный банкир, имевший репутацию прекрасного мужа и заботливого отца пятерых детей, имел склонность к некрофилии? Данута, постоянно принимавшая его, должна была перед приходом дорогого гостя четверть часа провести в ван-

не со льдом, чтобы потом лежать в постели холодной и неподвижной. Алита как-то поделилась своим презрением с мадам Бьоттой, и та сочувствующе сказала:

– Это пройдет, моя милая. Видела бы ты, что творится в заведениях похуже. Бедность тамошних клиентов раздувает самые гадкие пороки.

Алита решила не уточнять, что конкретно мадам Бьотта имеет в виду.

На фоне затейливых предпочтений посетителей борделя увлечения принца Рекигена казались практически целомудренными. Он действительно был принцем, одним из семерых сыновей его величества Ахонсо, и предпочитал заниматься любовью с двумя девушками одновременно, только и всего. Фрейлины и благородные дамы считали его извращенцем, погрязшим в излишествах, но обитательницы дома мадам Бьотты обожали Рекигена: он приходил всегда веселый и хмельной, всегда приносил гостинцы, подарки и цветы и всегда думал не только о своем удовольствии, но и о том, чтобы его дамы не остались разочарованными.

Алита познакомилась с Рекигеном на пятый день своей работы: он ввалился в дом в сопровождении нескольких слуг, которые несли корзины с белыми орхидеями и лилиями, свертки со сладостями, ящики с вином и ворох пакетов, обвязанных золотыми ленточками. Обитательницы борделя высыпали в прихожую, и Алита, сидя за своей стойкой, провела скучные полчаса, наблюдая, как принц – высокий кра-

савец с идеальной фигурой и чертами лица, словно вылепленными гениальным скульптором, – целовался с девушками, щедро оделяя их комплиментами, цветами и свертками. Один из слуг, избавившись от своей ноши, подошел к стойке и протянул Алите стопку крупных купюр.

– Вы новая приказчица мадам? – спросил он и, дождавшись утвердительного кивка, сказал: – Его высочество пробудет всю ночь, отправляйте к нему свежую пару девушек каждые два часа.

– Хорошо, – сказала Алита. Пересчитав деньги, она убрала их в металлический ящик, заперла замок и, вскинув голову, увидела, что принц смотрит ей прямо в глаза – причем с удивленным и немного глупым видом.

– Гасите ваши лампы, – глухо промолвил принц, и сейчас в нем не было ни следа недавнего бесшабашного веселья. – Взошло солнце.

Алита не то чтобы смутилась: за неделю работы приказчицей она успела выслушать больше комплиментов, чем за всю свою прошлую жизнь, и все они были гораздо цветистее, чем слова принца. Но сейчас, глядя в его лицо – слишком смазливое, на ее вкус, Алита чувствовала странное стеснение.

– Солнце взошло еще с утра, – сказала Алита, – и село около часа назад. Рада познакомиться с вашим высочеством. Рассказы о вашей доброте и щедрости бегут впереди вас.

Кто-то из девушек торжествующе улыбнулся. Уже несколько дней обитательницы борделя делали ставки, ста-

раясь угадать, кто из гостей уведет-таки с собой новую приказчицу. Во взгляде Рекигена мелькнуло что-то, глухой и дальний отблеск какой-то идеи; он покосился на девушек и отчетливо промолвил:

– Милые дамы, сегодня вам придется наслаждаться подарками без меня, – и добавил уже жестче: – Оставьте нас.

Алита никогда не видела, чтобы люди расходились настолько быстро. Когда через несколько мгновений коридор опустел – девушки разошлись по комнатам, а слуги принца вышли на улицу, – Рекиген с достоинством поклонился Алите, прикоснулся к правому виску и произнес:

– Рекиген бин Альбоа Сузианский и Гилимерский, к вашим услугам.

– Алита Росса, – ответила Алита. Титул его высочества не произвел на нее впечатления. Алита предвидела, что будет дальше. Принц начнет соблазнять ее бриллиантами, титулами и особняками – она представила это и ощутила какую-то липкую скуку.

Хлопнула дверь, и в коридор вышла мадам Бьотта – разумеется, девушки уже успели ей рассказать, что приехал принц и положил глаз на приказчицу. Увидев хозяйку заведения, Рекиген развернулся к ней и с нарочито серьезным видом сообщил:

– Мадам Бьотта, здесь совершено преступление против короны. Миледи Алита похитила мое сердце и не хочет залечить рану. – Мадам Бьотта притворно ахнула, приложив

пухлую ручку к высокой груди, а принц продолжил: – Возможно, вы поможете мне спастись.

– Я к вашим услугам, мой принц, – сказала мадам, усиленно делая Алите какие-то знаки бровями. Алита сделала вид, что не заметила. В ее планы не входила близость с его высочеством ни сегодня, ни когда бы то ни было. После всего, что случилось в человеческом зоопарке и продолжилось в пыточной инквизиции, Алите меньше всего хотелось предаваться радостям плоти. И вообще, у нее много дел. Например, вот эти бумаги от поставщиков. Алита вынула их из-под стойки и сделала вид, что ужасно занята.

– Отпустите прекрасную миледи Алиту с работы на несколько часов, – попросил принц, затем, запустив руку во внутренний карман щегольского плаща, вынул пухлый бумажник и отсчитал добрый десяток крупных купюр. Глаза мадам Бьотты жадно засветились, а Рекиген продолжал: – Я бы хотел прогуляться с миледи по набережной, полюбоваться красотами вечерней столицы.

– Прошу прощения, ваше высочество, – сказала Алита, не отрываясь от своих бумаг, – но у меня много работы. И к тому же у меня нет такой одежды, чтобы показываться в обществе с таким спутником.

Мадам Бьотта улыбнулась принцу и, цепко схватив Алиту за рукав, вывела ее из-за стойки. Рассыпавшись в извинениях, она прошла с Алитой к лестнице и негромко проговорила:

– Не упрямясь, что ты. Его это только раззадоривает. Съезди погуляй, подарочек выпроси, а потом скажи, что женская природа не позволяет близких свиданий еще пару дней. А там он или забудет, или его опять на воды отправят – лечиться от похоти.

Алита не могла не признать, что чисто по-житейски мадам Бьотта права. Что ж, если единственный способ отвалить принца – это пойти с ним на свидание, то, похоже, у Алиты нет другого выхода. Поблагодарив мадам за науку, Алита вернулась к стойке – Рекиген едва не пританцовывал там от нетерпения – и сказала:

– Я согласна, ваше высочество. Прогулка по набережной, не более.

Принц еще раз поклонился ей, прижав палец к виску:

– Как будет угодно миледи. Ваша воля – для меня закон.

Мадам Бьотта сделала Алите очередной знак бровями и аккуратно прибрала деньги со стойки. Мысленно вздохнув, Алита пошла к выходу за принцем.

Осенний вечер был хмурым и холодным, накрапывал дождь, и Алина подумала, что ей не придется выдумывать какие-то особенные способы обвести принца вокруг пальца: она просто сляжет с ангиной, вот и все. Впрочем, Рекиген оказался не только хорош собой, но и догадлив – его экипаж остановился у ближайшего модного магазина, и приказчик, не переставая кланяться, встретил принца и Алиту возле входа, и через несколько мгновений вокруг девушки закру-

тился хоровод мехов, кожи и шелка. Спустя четверть часа на плечах Алиты красовалась длинная накидка из серебристого пушистого меха, сверкавшего в огнях ламп, а туфельки сменились изящными кожаными сапожками с меховой оторочкой. «Пожалуй, ангина откладывается», – подумала Алита, глядя в зеркало: там отражалась незнакомая ей девушка в мехах, шелке и бархате. Пожалуй, Никитос лишился бы дара речи, если бы увидел сейчас свою жену.

«Он мне больше не муж», – подумала Алита, и это понимание собственной свободы заставляло голову кружиться сильнее, чем от вина. Она избавилась от человека, который мучил ее, и получила возможность начать новую жизнь и не потеряться в ней. Алите стало легко: впервые за все время, проведенное в Сузе, она почувствовала себя живой.

Вечерняя набережная была восхитительной – белой, розовой, золотой акварелью, на которой мрамор ступеней и изящные завитки ограды казались прихотливой фигурной рамкой, обрамляющей осенний вечер. Алита замерла у ограды, залюбовавшись огромной рекой и блесками света фонарей, плывущими по волнам, и пропустила тот момент, когда Рекиген, приобняв ее за плечи, приник к ее губам поцелуем. Целовался принц очень порывисто и страстно, и Алита была вынуждена ответить ему взаимностью. Спустя несколько минут, показавшихся ей вечностью, принц оторвался от своей спутницы, перевел дыхание и изумленно покачал головой.

– Изумительно, – промолвил Рекиген. По его лицу было

видно, что принц потрясен до глубины души. – Это просто изумительно!

– Что именно? – спросила Алита, на всякий случай отстраняясь от кавалера.

– То, как вы целуетесь, – с прежней ошеломленностью произнес Рекиген. – Вы настоящая леди, но леди так не целуются.

«Малахольный какой-то», – подумала Алита и поинтересовалась:

– И как же целуются леди?

Рекиген отмахнулся.

– Как березовое полено, – сказал он, снова привлекая Алиту к себе. – Или как снулая рыба. А вы...

Он не договорил. Алита откликнулась на его поцелуй, скептически размышляя о том, как именно может целоваться снулая рыба. Вскоре Рекигену надоело обниматься на ветру, и он, с видимым сожалением оторвавшись от Алиты, промолвил:

– Поедьте обратно. Вы просто обязаны затушить мой огонь.

– Поедьте, – согласилась Алита. – Но простите, ваше высочество, моя женская природа сегодня не склонна к пожаротушению.

Рекиген вздохнул с искренним сожалением, и Алита вдруг подумала о том, как будет избавляться от настойчивого кавалера, если он предложит альтернативные способы.

– Но когда же? – спросил он.

Алита вздохнула с облегчением и сказала:

– Через два дня.

На том и порешили. Принц доставил девушку обратно в дом мадам Бьотты и уехал, сказав, что два дня ожидания покажутся ему вечностью. Чего-то в этом роде Алита и ожидала, прекрасно понимая правоту мадам: Рекиген забудет о ней уже завтра утром, а там видно будет.

Мадам Бьотта, сидевшая за стойкой в компании неизменного кофейника и дамского романа в бумажной обложке, с видом знатока оценила подарки принца и заметила:

– Это ведь брунензинский лис. Редкий мех, очень дорогой. Вот видишь, моя наука пошла тебе на пользу.

Алита кивнула и искренне поблагодарила мадам за совет. Та взглянула на нее проницательно и понимающе.

– Я же вижу, как у тебя на душе, – сказала она, вынимая из-под стойки еще одну чашку. От кофе Алита не отказалась: ночь в борделе только начиналась, клиенты могут заявиться в любую минуту. – Натерпелась из-за любви, да?

– Натерпелась, – откликнулась Алита.

Мадам Бьотта покачала головой:

– Страшное дело любовь, нет ее ужаснее... Ладно, дорогая, иди отдыхать. Посижу сегодня, вспомню былые деньки.

Поднимаясь по лестнице, Алита решила, что деньги принца явно повлияли на сговорчивость мадам.

Хотя мадам Бьотта прекрасно знала жизнь, в случае с Ре-

кигеном она ошиблась. Когда на следующий день Алита разбирала почту, сидя за стойкой, в дом неожиданно вошли вчерашние спутники принца, нагруженные так, что их не было видно за тюками, свертками и корзинами цветов. Сбежавшиеся девушки принялись было разбирать подарки, но потом маленькая Герта прочла карточку на одной из коробок и воскликнула:

– Алита, это же все тебе! От Рекигена!

Девушки защебетали, залились смехом и кинулись обнимать Алиту и поздравлять ее с новым щедрым и внимательным поклонником. Она с удивлением отметила, что в обитательницах борделя нет и тени зависти к ее успеху – хотя она меньше всего мечтала о подобной победе... Поставив на стойку корзину с белыми орхидеями, Алита сказала:

– Девчата, заберите это все себе, кому что нравится. А мадам Бьотте – орехи в меду, она их любит.

Восторженные возгласы и радостный писк стали еще громче, и девушки бросились разбирать подарки. Алита вернулась за стойку и вдруг настороженно замерла: в прихожей появился новый запах – знакомый свежий аромат дорогих мужских духов. Она обернулась и замерла, словно дичь перед охотником.

В дверях стоял Лефевр.

– Добрый день, миледи, – холодно промолвил он. – Вижу, вы пользуетесь популярностью.

Глава 4

Перо

Алита замерла за своей стойкой и не сводила с Лефевра испуганного взгляда затравленной жертвы перед охотником. Он вдруг поймал себя на мысли, что этот взгляд и эта поза – с прижатыми к груди руками – делают девушку невероятно хрупкой и притягательной.

– Добрый день, миледи, – произнес Лефевр, стараясь, чтобы бурливший в нем гнев не выплеснулся наружу. – Вижу, вы пользуетесь популярностью.

Девушка посмотрела на него так яростно, что Лефевр ощутил ее взгляд как пощечину – крепкую, от всей души. Ее руки опустились и медленно сжались в кулаки, карие с прозеленью глаза сверкали – вид оскорбленной невинности шел Алите еще больше.

По коридору прокатился маленький смерч и замер возле стойки: мадам Бьотта, старая знакомая Лефевра и преданная информаторша инквизиции уже как сорок лет, выкатилась из своих апартаментов, привлеченная шумом и веселым щебетом девушек, разбиравших подарки. Увидев Лефевра, она подплыла к нему и, раскинув руки, заключила его в крепкие дружеские объятия.

– Ах, дорогой мой Огюст-Эжен! – воскликнула мадам. –

Как же я рада вас видеть! Давненько, давненько вы к нам не заглядывали!

— Мадам Бьотта, мой ангел, — в тон ей откликнулся Лефевр. — Был крайне занят, теперь свободен. Отдадите мне эту обворожительную миледи на часок-другой?

— Я не работаю, — с холодом, достойным Снежной царевны, промолвила Алита. Ее щеки залило стыдливым румянцем.

Однако мадам Бьотта только рукой махнула.

— Иди, девочка моя, иди, — и, видя, что Алита едва не впивается ногтями в стойку, чтобы остаться на месте, мадам Бьотта просто взяла и вытолкала ее к Лефевру. — Иди, а я пока тут побуду, вспомню старые деньки... Анзуна! — окликнула она чернокожую девицу. — Это что, орехи в меду? А ну-ка, дай сюда.

Алита испуганно озиралась по сторонам, прикидывая, как лучше удрать и за кого из обитательниц борделя спрятаться, но Лефевр подхватил ее под локоть и направился к лестнице — комната приказчицы была на втором этаже, в самом конце коридора. Кажется, девушка упиралась каблуками башмачков, пытаясь затормозить, а уж на втором этаже вцепилась в перила так, что Лефевр приложил определенные старания, чтобы оторвать ее. Когда они вошли в комнату и Лефевр закрыл за собой дверь на ключ и на заклинание, то Алита чуть ли не бегом кинулась к окну, подальше от Лефевра, и, развернувшись к незваному гостю, спросила:

– Что вы собираетесь делать?

Лефевр усмехнулся и, неторопливо расстегнув пуговицы сюртука, снял его и сбросил на стул. Теперь в глазах Алиты плавал такой ужас, словно он привел ее обратно в человеческий зоопарк и засунул в клетку.

– Как что? – холодно осведомился Лефевр, все с той же неспешностью расстегивая жилет. – То, за чем мужчины обычно ходят в бордель. Кстати, не советую убегать через окно. Внизу не мягкий газон, а булыжная мостовая.

Сняв жилет, он небрежным движением швырнул в сторону девушки заклинание, которое заставило ее платье распахнуться по швам и соскользнуть на пол. Алита взвизгнула, подхватила один из убегающих кусочков и прижала к груди, но непослушная ткань вывернулась из судорожно сжатой ладони, оставив бывшую хозяйку в сорочке, корсете и необычных коротких панталонах, открывавших ногу и бедро чуть ли не до талии. В голове некстати всплыла картинка: Алита в допросной, распятая на дыбе, с чужой рукой между ногами – Лефевр прищурился, и видение исчезло.

– Прекрасно выглядите, миледи, – сухо заметил Лефевр, развязывая галстук. Упав на пол, тот свернулся под стулом затаившейся змейкой. Пуговицы рубашки легко выпрыгивали из петель. Смущение, стыд, замешательство затопили лицо Алиты, заставив ее побледнеть. Должно быть, сейчас она понимала всю глубину оскорбления, которое нанесла Лефевру, поставив его на одну доску с теми идиотами. Он очень

хотел, чтобы она поняла. – Да не стойте вы, как статуя, Алита. В борделе надо работать бодро, с огоньком. Конкуренция тут похлеще, чем на бирже.

Еще одно заклинание, щелчком пальцев отправленное к девушке, выбило из ее прически шпильки и гребни, и рыжие локоны рассыпались по плечам – теперь Алита была похожа на кающуюся грешницу. Лефевр приблизился к ней почти вплотную и уловил запах, доносящийся от ее кожи, – сногсшибательный коктейль легких духов вперемешку со страхом.

– Неужели вы собираетесь... – едва слышно промолвила Алита и умолкла. Сейчас, стоя с ней рядом, Лефевр точно знал ответ: да, собирается, если она не поймет, в чем именно кроется проблема.

Теперь он видел себя словно со стороны. Его рука поднялась, и пальцы медленно прочертили мягкую линию по лицу Алиты, скользнув по шее к ключицам.

– Ну вы же ждете от меня именно этого, – негромко сказал Лефевр. – Я ведь урод и лицом, и душой, и делами. Может, мне начать соответствовать тому, что вы обо мне думаете? Что я изверг и подонок, у которого одна радость в жизни – мучить женщин?

Она ничего не успела ответить – Лефевр нагнулся к ее лицу и поцеловал: сперва легко, едва прикоснувшись, потом уже более напористо. Он и не ожидал, что губы девушки окажутся настолько мягкими и податливыми, а она сама – на-

пряженной, почти окаменевшей. На какой-то миг Лефевра обожгло: сорвать с нее оставшиеся тряпки, вмять в постель, овладеть и присвоить навсегда, и гори оно все огнем, и будь что будет, – эта мысль была как удар кнута. Алита зажмурилась. Теперь ее трясло, как в лихорадке, и это моментально отрезвило Лефевра. Он с грустью подумал, что раньше она не брезговала смотреть на него. Он ведь просто хотел преподать ей урок, а не надругаться.

Ее корсет расстегивался спереди: Лефевр неторопливо принялся вынимать серебряные крючки из петелек.

– Не надо бояться, Алита, – с нарочитой усталостью и равнодушием произнес он, снова чувствуя прилив возбуждения. – Для шлюхи мадам Бьотты вы слишком пугливы.

Атласная скорлупа корсета свалилась на ковер в тот же миг, когда Алита ударила его по щеке.

– Не смейте! – воскликнула она хриплым шепотом. По ее лицу пробежала сперва одна крупная слеза, потом вторая; Лефевр подумал, что сейчас у Алины начнется истерика. – Не смейте, я не шлюха... Да как вы!..

Алита вскинула руку, чтобы ударить его еще раз: Лефевр перехватил тонкое запястье и, цинично улыбнувшись, произнес:

– Конечно, шлюха. Вы же работаете в борделе. А я изувер, живодер и насильник. Потому что работаю в инквизиции. Ведь так, по-вашему?

Алита замерла в его руках, и несколько мгновений оба

стояли неподвижно.

– Вы не такой, – наконец промолвила Алита.

– И вы не такая, – глухо сказал Лефевр, понимая, что девушку нужно выпустить, но ему хотелось продлить это странное объятие хотя бы на несколько мгновений.

– Я вас очень обидела тогда, Огюст-Эжен, – прошептала Алита. Теперь она смотрела ему в глаза, и в ее взгляде не было ни страха, ни брезгливости, лишь непритворное понимание и сожаление. – Если можете, то... простите меня. Я не должна была так поступать. И вы... вы не урод. Не говорите так.

Сейчас от девушки веяло тем непритворным живым теплом, которое Лефевр давно уже не искал в людях. «Не пытаться принимать благодарность и искренность за любовь», – напомнил он себе и отступил от Алиты.

– Здесь прохладно, – сказал он. – Наденьте что-нибудь, я не хочу, чтобы вы простудились.

Алита скользнула к шкафу с одеждой, а Лефевр опустился на кровать и принялся застегивать рубашку. В комнате действительно было свежо: должно быть, для того, чтобы девушка и гость поспешили согреть друг друга в объятиях.

Или ему просто показалось?

– Отвернитесь, – попросила Алита.

Лефевр мысленно усмехнулся: казалось бы, чего он там не видел? – но послушно отвернулся и несколько минут слушал шорох одежды и тихие сердитые восклицания Алиты,

ругавшей все эти завязки и крючки.

Наконец она отошла от шкафа, села рядом с Лефевром и сказала:

– Простите меня, Огюст-Эжен. Я вела себя как идиотка.

– Да, я действительно был оскорблен до глубины души, – признался Лефевр.

Алита шмыгнула носом: сейчас она в самом деле испытывала муки совести.

Острый язычок запонки никак не хотел пролезать в петлю манжеты. Алита протянула руку, забрала запонку и аккуратно застегнула ее. Лефевр благодарно кивнул. Было в этом что-то почти семейное – впрочем, он сразу же одернул себя, запретив так думать.

– Как вы меня нашли? – спросила Алита, взяв вторую запонку.

– Я отправил человека проследить за вами и мягко направить, куда нужно, – сказал Лефевр. – Случись что по дороге, он бы вас защитил. А когда вы попали сюда, я вздохнул с облегчением. Знаю мадам Бьотту уже больше двадцати лет, она ежедневно докладывала мне о том, как ваши дела, – он сделал паузу и добавил: – В городе беспокойно. Я ни за что не отпустил бы вас просто так, в никуда.

Алита хотела было спросить о чем-то, но осеклась и воскликнула:

– Что это? Вы ранены?

– Пустяки, не стоит, – произнес Лефевр, попробовав от-

странить правую руку, но Алита уже успела завернуть его рукав и испуганно прикоснулась к потемневшей грубой коже на запястье, похожей на растрескавшийся драконий панцирь. Осторожное прикосновение отдалось болью до плеча; Лефевр криво улыбнулся и отвел руку.

– Что с вами, Огюст-Эжен? – спросила Алита с искренней заботой. – Вам больно?

– Это моя работа, – ответил он. – Собирайтесь, поедem отсюда. Вы нужны мне.

За недолгое время работы в борделе Алита успела обзавестись несколькими чемоданами одежды и подарков – внося в дом все это добро, Бланк улыбался понимающе и довольнo. Наверняка решил, что хозяин наконец-то устроился в жизни: добрый дворецкий всегда утверждал, что мужчина без второй половины обречен быть неприкаянным и никчемным, каких бы чинов и богатств ни добился. «Рай лежит в ногах жены и матери», – частенько повторял он пословицу родного Синегора, и, судя по тому, что его супруга сейчас вынашивала уже четвертого по счету ребенка, Бланк действительно нашел свой рай на земле.

Лефевр решил ничего не говорить по этому поводу. Пока Амина помогала его гостье переодеться к ужину – наверняка старалась выведать что-нибудь интересное, чем потом мож-

но будет поделиться с товарками на кухне, – Лефевр отправился в свой кабинет, где уже накрыли ужин, затем, вынув из ящика стола серебряный контейнер, раскрыл его и несколько минут рассматривал пышное лебединое перо с металлическим наконечником. Перо было прижато скобами с нанесенными на них древними рунами: это сдерживало Ползучий артефакт, не позволяя ему ни скрыться, ни причинить вреда.

Обожженное запястье снова заныло. Лефевр закрыл контейнер и обернулся к двери: на пороге кабинета стояла Алита, и он подумал, что дней, проведенных без нее, словно бы и не было.

– Как вы, Алита? – спросил он.

Девушка пожала плечами и смущенно улыбнулась.

– Знаете, это, конечно, прозвучит странно, – призналась она. – Но я как будто вернулась домой.

Лефевр понимающе кивнул, чувствуя, как, несмотря на все его внутренние границы, которые он старательно воздвиг между собой и этой девушкой, в груди разливается тепло.

– Оставайтесь сколько захотите, – промолвил он и тотчас же мысленно одернул себя.

Впрочем, Алита приняла его слова за простую вежливость. Закрыв дверь и пройдя к столу, она требовательно взяла Лефевра за правую руку и почти приказала:

– Покажите еще раз ваш ожог, Огюст-Эжен. У меня есть очень смутное подозрение, что я уже где-то с таким сталкивалась.

– Вы не могли его видеть, – сказал Лефевр, вынимая запонку и закатывая рукав до локтя. – Такие ожоги оставляют только Ползучие артефакты.

– Я и не говорю, что видела его, – Алита осторожно взяла Лефевра за руку и легко, едва касаясь кончиками пальцев, дотронулась до изуродованной кожи, стараясь не причинить боли.

Ожог тянулся до самого плеча, переходя на спину: когда артефакт ударил, Лефевра пронзило такой болью, что он испугался, что его парализует – мир взорвался перед глазами и рассыпался дождем искр. К счастью, обошлось. Профессор с кафедры артефакторики сказал, что ожог окончательно рассосется через пару лет; Лефевр подумал, что при его уродстве это не так страшно.

– Изымали незаконные артефакты у одного умника, – произнес Лефевр. Прикосновения, даже такие осторожные и бережные, причиняли ему боль, но он не хотел, чтобы Алита останавливалась. – Слишком ловкий торговец антиквариатом продавал обеспеченным клиентам еще и артефакты. Среди них оказался и Ползучий...

Алита нахмурилась. Выпустила его руку.

– Ползучий – это как? – спросила она.

Лефевр опустил рукав и застегнул: на этот раз помощи с запонкой не потребовалось.

– Ползучие артефакты способны менять местоположение, – объяснил он, усаживаясь за стол. Бутылка вина бы-

ла вынута из самых дальних, особых запасов, которые начал собирать еще прадед. Бланк расстарался: похоже, действительно был рад за хозяина. — Сегодня они тут, а завтра там. Мой коллега Гербрэнд Гуле говорит, что Ползучие артефакты способны перемещаться не только в пределах нашего мира.

Алита задумчиво потерла кончик носа и залпом осушила свой бокал.

«Однако лихо», — подумал Лефевр. Несколько минут девушка молчала, не обращая внимания на аппетитный кусок курицы с пряностями и овощами, а затем все с той же задумчивостью сказала:

— А знаете, что это, Огюст-Эжен? У вас драконья проказа. Ожог идет по всей руке, на плечо и на спину, так?

Лефевр пораженно посмотрел на нее и кивнул.

— Видите ли, Никитос был фанатом Винокурова. Все его книги перечитал и меня заставил, — продолжала Алита. — Так вот, там несколько раз упоминается наследственная болезнь, которой поражаются драконоборцы. Проказа никак не проявляется до тех пор, пока ее не разбудит прикосновение чистого зла.

Она умолкла и некоторое время сидела неподвижно, собираясь с мыслями. Лефевр не торопил ее — размышлял над услышанным, механически разминая вилкой ломтик тушеного картофеля. Наконец Алита заговорила снова:

— Виноградов описывает след драконьей проказы очень

подробно. Загрубевшая кожа темнеет, покрывается коркой и трескается. След становится похож на кожу дракона...

Лефевр отложил вилку и, поднявшись, протянул Алите руку.

– Отложим ужин на четверть часа, – сказал он. – Пойдемте, покажу вам кое-что.

Лампы парадного зала горели всегда, вне зависимости от того, был ли кто-то в помещении или нет. Войдя в зал вслед за Лефевром, Алита изумленно ахнула: обстановка, безусловно, производила впечатление. Девушка как замороженная пошла вдоль стены, рассматривая портреты предков Лефевра, наградное оружие в специальных стеклянных ларцах, ордена и медали на темно-красных бархатных подушечках. В ее спокойном уважении было нечто благоговейное; несколько минут Лефевр наблюдал за ней, а потом произнес:

– Взгляните вон туда. Прямо перед вами.

Алита подошла к огромному торжественному полотну, заключенному в золотую раму, и спросила:

– Это герб вашего рода?

– Совершенно верно, – промолвил Лефевр. Встав рядом с Алитой, он сказал: – Был пожалован моему предку, Ансельму Лефевру, лично императором Максимилианом. Взгляните, щит держат орел и лев. Императорские животные.

Девушка сосредоточенно кивнула. Сейчас она казалась ученицей, внимательно слушающей наставника.

– Тысячу лет назад, – продолжал Лефевр, – столицу оса-

дил дракон. Как положено драконам, произвел страшные разрушения и перебил всех рыцарей и солдат. Когда стало ясно, что страна вот-вот падет и дракон воцарится на золотом троне, император Максимилиан воззвал к жителям Сузы с просьбой выступить против чудовища. Отозвался только Ансельм по прозвищу Быкобор. И он зарубил дракона своей секирой. Государь немедленно сделал Ансельма дворянином и даровал ему этот герб. Ее величество вышивала герб собственноручно. Корона – это знак спасения отечества. Дракон и секира – ну это и есть дракон и секира. Вечная память о подвиге. Быкобор на старовалеатском наречии – Ле Фро. Но император сделал Ансельма Драконобором – Ле Февром, – сделав паузу, Лефевр посмотрел на Алиту и сказал: – Надеюсь, я не утомил вас своим рассказом.

– Ну что вы, Огюст-Эжен, – улыбнулась Алита. – Это ведь история вашей семьи. Мне было интересно. Значит, вы драконоборец.

– Не только я, – Лефевр подал Алите руку, и они неторопливо двинулись к выходу из зала. Надо было все-таки отдать должное ужину, пока курятина не остыла окончательно. – Драконоборцами называют тех, кто сражается со злом во всех его проявлениях. Понятное дело, что Ползучие артефакты в первую очередь поражают их.

Алита кивнула.

– Удивительно другое, – сказала она. – То, откуда Винокуров знает об этом.

– Это как раз и неудивительно, – промолвил Лефевр, когда они вернулись в кабинет и сели за остывший ужин. – Его перо является артефактом, и если он сумел его раздобыть, то наверняка знает о нашем мире очень и очень многое. Теперь я еще сильнее хочу остановить его.

Курица, пусть и едва теплая, все равно была вкусной. Лефевр подумал, что надо сделать комплимент поварихе: сегодня она превзошла саму себя. Должно быть, от всей души стремилась понравиться новой госпоже.

– Знаете что, Алита, – озарение, пронзившее Лефевра, было совершенно неожиданным и полностью переключило его мысли с размышлений о том, чего не может быть. – Давайте попробуем сейчас провести один ритуал. Я проникну в ваш разум, а вы дадите мне все воспоминания о Винокурове. Я ведь должен знать, как работать со всем этим дальше.

Девушка кивнула не задумываясь.

– Разумеется, я согласна. Что именно мне надо делать?

– Лечь на диван, – сказал Лефевр и поспешно добавил: – Могу не удержать вас, не хочу, чтоб вы упали.

В быстром серьезном взгляде, брошенном Алитой исподлобья, было что-то неуловимое – Лефевр так и не понял, что именно.

Он отодвинул столик с опустевшей посудой, и Алита опустилась на диван. Свет маленькой лампы делал девушку похожей на золотую статую: сверкающие мазки шафранной краски разбегались по рыжим волосам, скользили по коже,

даже глаза из карих стали медовыми, как старое золото. Лефевр встал на колени перед диваном и сказал:

– Просто вспоминайте все, связанное с его книгами. Хорошо?

Алита кивнула, и Лефевр осторожно протянул к ее виску энергетический канатик из своей головы. На какое-то мгновение его накрыла волна жгучего стыда, словно он собирался сделать что-то очень недостойное, и сияющая голубизна канатика помутнела. Алита закрыла глаза и промолвила:

– Уже можно вспоминать?

– Да, – откликнулся Лефевр. Сознание раздвоилось: он одновременно видел Алиту на диване и себя, склонившегося над ней. Но потом кабинет медленно отодвинулся куда-то во тьму, и Лефевр увидел книгу в мягком переплете и строки, похожие на скопление насекомых.

...Аврелий всегда считал окружающих чем-то вроде декораций, скоплением неодушевленных предметов. Его искренне поражало, когда декорации вдруг отказывались стоять на месте и заявляли о своих нуждах и желаниях. Им следовало подчиняться, только и всего...

Маленькая рука резко захлопнула книгу и отложила на тумбочку.

– Как ты можешь это читать? – услышал Лефевр голос Алиты. – Этот Аврелий какой-то псих угашенный.

– Много бы ты понимала в книгах и героях, обезьяна, –

в поле зрения появилось холеное лицо светловолосого молодого человека. Лицо было искажено гримасой то ли презрения, то ли, прости господи, страданий от застарелого геморроя. – Аврелий – сверхчеловек. Его никто не понимает и не хочет понять. А он вынужден каждый день быть с такими, как ты.

Картинка медленно погасла. Когда недовольное лицо Никитоса окончательно растаяло, Алита негромко промолвила: – Я другое вспомню, хорошо?

Она словно просила прощения за то, что не хочет думать о человеке, который ее мучил. Рука Алиты соскользнула с дивана, и горячие пальцы нащупали и сжали ладонь Лефевра: так ребенок, боящийся чудовищ во тьме, хватается за взрослого.

– Вспоминайте, – глухо откликнулся Лефевр и тепло добавил: – Все хорошо, Алита, не бойтесь. Я с вами.

...Девушка лежала на пляже, почти у самой кромки воды. Волны накатывали на берег, и убегали, и накатывали снова; девушка не шевелилась. Мико смотрел на нее, такую неподвижную и холодную, такую мертвую, и больше не чувствовал того желания, которое еще недавно сводило пах сладкой судорогой. Девушка выполнила свое предназначение и стала тем, кем и была всегда, – глупой куклой, не более того. Мико перевел взгляд с обнаженной красавицы на панораму ночного города. Такой же глупый и

беззащитный, он лежал перед ним как на ладони, и Мико мог сделать с ним все, что пожелает. Мог любоваться, мог иметь, мог сжать руку и раздавить. Ощущение собственного могущества снова вызвало возбуждение. Тогда Мико наклонился над девушкой и, вынув из кармана сюртука листовку, пригвоздил ее маленьким ножом-когтем к остывающей груди. Он не видел надписи, извещающей о том, что в магазинчике Эрбруко на набережной вы всегда можете попробовать новые сорта мороженого, но прекрасно знал, что она там. Пошлая реклама, такая же гадкая и дрянная, как эта продажная баба и этот лживый город. Ну ничего. Он еще все исправит. Придется потрудиться, но оно того стоит.

Лефевр буквально выбросил себя из сознания Алиты и несколько минут сидел на ковре, выравнивая дыхание и пытаясь как-то справиться с той бурей, которую вызвал в нем прочитанный отрывок. По лицу струился пот, а руки тряслись; посмотрев на Алиту, лежавшую на диване с закрытыми глазами, Лефевр на какое-то мгновение увидел ее глазами Мико – мертвую, оскверненную, с прибитой к груди листовкой, и ему показалось, что она и в самом деле умерла. Схватив Алиту за плечи, Лефевр несколько раз встряхнул ее и похлопал по щекам; когда девушка открыла глаза, он испытал такое облегчение, словно с плеч свалилась пресловутая гора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.